

S.E.C.T.O.R.

Андрей ЛЕВИЦКИЙ Виктор ГЛУМОВ

ДЕТИ СЕКТОРА

S.E.C.T.O.R.

Андрей Левицкий
Дети сектора

«Автор»

2013

Левицкий А. Ю.

Дети сектора / А. Ю. Левицкий — «Автор»,
2013 — (S.E.C.T.O.R.)

Вторжение началось. Доверять нельзя никому. Близкие могут убить, родные – предать. Большинство людей изменилось под действием биотина. Теперь кроме обманчивой внешности у этих существ нет ничего общего с людьми. Уцелевшие с трудом удерживают позиции в новой столице России – Санкт-Петербурге. Но есть еще надежда все исправить. Чтобы победить, надо укротить Сектор. Время пошло. Остались сутки. И если опоздать – менять что-либо будет поздно!

© Левицкий А. Ю., 2013

© Автор, 2013

Содержание

Пролог	5
Глава 1	7
Глава 2	22
Конец ознакомительного фрагмента.	45

Андрей Левицкий, Виктор Глумов

Дети сектора

Пролог

Кабинет был залит ровным ласковым светом, напротив объективов стояли два кресла, в одном восседал мужчина в сером костюме – крепкий, краснолицый, с мощной головой и синими глазищами, обрамленными длинными изогнутыми ресницами. Обычно у всех, кто видел его впервые, возникала мысль, что такие глаза невозможны, нелепы на кабанообразном рыле, они будто принадлежат другому человеку.

Мужчина втянул и без того короткую шею в плечи и замер на стуле, скрестив голени и явив миру ослепительно-белые носки.

Во второе, пока пустующее кресло села кудрявая блондинка лет двадцати пяти. Белое платье, больше похожее на костюм, перехватывал алый пояс, гармонирующий с красными туфлями и яркой помадой. Девушка улыбнулась и сказала оператору:

– Дима, пора.

Дождавшись сигнала, она улыбнулась шире и заговорила в объектив:

– Здравствуйте, дорогие телезрители! Как обычно вечером с вами я, Диана Ромашкина. Сегодня у нас в гостях Виталий Вячеславович Шендрик, начальник главного управления по вопросам чрезвычайных ситуаций. Он нам прокомментирует события последних дней и ответит на ряд вопросов в прямом эфире.

Мужчина скосил глаза и поджал губы. Диктор изобразила радость и дружелюбие и вновь заговорила:

– Позавчера, пятого июля, наблюдалось массовое обострение рецидивов у психически неуравновешенных граждан, находящихся в стадии ремиссии. Вчера у нас в гостях был главный врач психиатрической лечебницы имени Семашко, он рассказывал, что обострение вызвал мощный Всплеск в Секторе. Виталий Вячеславович, насколько ситуация серьезна?

– Здрасьте, – буркнул тот и заговорил мощным басом: – Ни насколько, то есть не серьезна. Серьезных последствий не наблюдалось. Неуравновешенные личности лечатся. Волноваться не о чем.

– Ходят слухи, что на время утратили работоспособность некоторые политические деятели, в том числе Президент. Насколько они обоснованы?

Мужчину перекосило. Точнее, так мог подумать сторонний наблюдатель, на самом же деле Виталий Вячеславович улыбался, он это делал не часто – должность не располагала – и немного отвык.

– Повторяю, – пробасил он, косясь в телетекст – на огромный экран позади камер. – Никакой угрозы не было и нет. Больные люди изолированы, их немного. Государственной безопасности ничего не угрожает. Вам тоже ничто не грозит.

– А как вы прокомментируете то, что Сектор распространяет свое влияние максимум на Химки, но пострадали люди, которые находятся в разных частях нашей страны и никогда не бывали вблизи Сектора?

Шендрик крикнул, поерзал и злобно покосился на Диану Ромашкину, отчего его глаза стали напоминать жабы, потом глянул на экран и прочитал:

– Как известно, психика людей очень неустойчива. На нее влияют всевозможные излучения, а также метеоритные...

Диктор, радостно кивавшая все это время, вытянулась лицом и поправила:

– Наверное, метеорологические?

– Вы поняли, что я хотел сказать, – повысил голос Шендрик. – Метеорологические условия, например, фазы луны и вспышки на Солнце, провоцирующие магнитные бури. Так вот, пятого июля как раз таки наблюдалась мощная магнитная буря, не говоря уже о фазе луны. Всплеск Сектора на самом деле тут совершенно ни при чем.

– Ходят слухи, что все пострадавшие люди употребляли биотин, поэтому они и...

Шендрик побагровел и снова повысил голос:

– Ну, я употребляю биотин. Я совершенно нормален и ничего такого со мной не было. Это сплетни и домыслы. Потому что людям свойственна зависть, они завидуют более успешным и хотят лишить их биотина, чтоб, кхе, хм, уравнять права. Уважаемые граждане, не случилось ничего страшного и экстраординарного, это экстремистские силы распространяют слухи, чтобы подорвать стабильность государства.

– Спасибо, Виталий Вячеславович. Приступаем к звонкам в студию? Наш телефон – в нижнем правом углу телеэкрана.

Шендрик махнул рукой:

– Приступаем.

Естественно, все звонки были от «своих», и Виталий Вячеславович заранее придумал ответы. Все те, кого интересовала судьба определенных граждан, а также вопрос, принимали ли пострадавшие биотин, дозвониться не смогли.

Через три дня недалеко от Новосибирска рухнул пассажирский самолет, в Сочи взорвали пятиэтажный жилой дом, и граждан перестало интересоваться, что же на самом деле случилось пятого июля.

Глава 1

Пуповина смерча, связывающая корабль с очагом вторжения – Сектором, дернулась и истаяла. Данила, ищущий, за что бы ухватиться, чтоб его не засосало в смерч, распрямил спину и огляделся.

В огромном зале, напоминающем пещеру, черные каменные «пальцы» высывали спиралевидные створки из пола, закрывались. Бесформенные слизни-хамелеоны отведали крови Шейха и валялись на полу – превращались в людей.

– Что теперь? – прохрипел Рэмбо. – На земле началось вторжение или оно будет позже?

– Мы заперты на вражеском полумразумном корабле! – злобно бросил Шейх, сощутив и без того раскосые глаза. – И подождем тут. Нас даже черви жрать не будут! Потому что мы – чужие!

Он сплюнул на пол зала-пещеры и принялся расхаживать возле кресла взад-вперед, почти задевая Данилу раненой рукой. Красные капли просачивались сквозь пальцы, сомкнутые на плече, и пятнали пол.

У ног Астрахана свернулась калачиком Марина. Хорошо, хоть выжила после того, как села в кресло и подключилась к искусственному интеллекту Корабля. Правда, непонятно, что случилось с ее психикой – девушка не приходила в сознание, дергалась и постанывала. Маугли кусал пальцы и переминался с ноги на ногу.

– Выход есть, – Данила шагнул к креслу Централи, словно бросая ему вызов. – Кому-то нужно подключиться и отменить процесс.

– Ага, и подохнуть, как Лукавый, – ответил Шейх, на миг остановившись.

– Контактер должен быть измененным, – напомнил Рэмбо, – или Улей его попросту не почувет. Даже если корабль опознает его как своего, не факт, что станет слушать. Он – самостоятельная единица, можно сказать, искусственный интеллект.

– Мы должны попробовать, – стоял на своем Астрахан, гипнотизируя кресло. – Я столько падал по Сектору, что вполне могу считаться своим. Тем более никому из нас, и мне в том числе, терять особо нечего.

Данила шагнул на ступеньку и, перед тем как сесть в кресло, вспомнил ту, кто ему дорог: сестру. Точнее, сестру Моменты, частица которого теперь живет в его душе, и пообещал себе навестить ее, если выживет и все закончится благополучно, если... Слишком много «если».

Еще одна ступенька. Друзья по несчастью застыли за спиной: смотрят, сочувствуют, но не отговаривают – хватаются за последнюю надежду.

Возле закрывшихся «пальцев» дозревают хамелеоны в позе эмбриона. Целая армия Шейхов. Так и не стал он до конца союзником, оставил кучу зловредных клонов.

На последней ступеньке Маугли схватил Астрахана за руку:

– Стой! Я смогу!

Данила положил ладонь на всклокоченные волосы мальчишки. Дикий зверек, порождение Сектора, а человечнее всех людей.

– У тебя не получится, – настаивал Маугли.

– Ты можешь умереть, бро, – улыбнулся Данила и тряхнул головой, как это делал Момент, чтобы откинуть дреды с лица.

– А могу и не умереть! – Маугли топнул ногой, ноздри его затрепетали.

Не дожидаясь разрешения, он оттолкнул Астрахана, плюхнулся в кресло и зажмурился, чтобы не видеть, как шипы, обращенные остриями внутрь, оживают и впиваются в вены.

Медуза в изголовье вспыхнула сиреневым, потянула пульсирующие щупальца к голове мальчишки – его будто током ударило, когда они коснулись тела. Шипы тоже вздрогнули, выпустили синеватые язычки трубок...

И опали. Медуза потухла. Маугли удивленно распахнул глаза, но ничего не произошло. Улей отказывался его принимать.

Астрахан криво улыбнулся и прокомментировал:

– Господа, кто желает сфотографироваться на память в кресле инопланетного корабля?

Шейх, перетягивающий плечо лоскутом от разорванного рукава, снова сплюнул, поднялся и пнул труп отца Данилы, приговаривая:

– Козел старый! Если бы не он, не погнали бы меня сюда. Что теперь? Куда нам идти? Как попасть на Землю?

– Зачем? – спросил Рэмбо грустно. – Хана нашей Земле. Вторжение готовилось много лет, людей пичкали биотином, уверен, что в небольших количествах его вводили, например, в прививках, в составе пищевых добавок. Прозвучал зов корабля, и агрессоры, инопланетяне эти... Мы последние выжившие.

– А вдруг вторжение начнется через пару лет? – предположил Шейх.

Рэмбо вскинул бровь:

– С какой такой радости?

– Улей должен вырастить матку, чтобы было, кому командовать армией хамелеонов. Пока она лишь зародыш. Если вторжение не началось, есть смысл возвращаться.

Маугли спрыгнул с кресла и замер напротив Данилы, Астрахан положил руку мальчишке на плечо:

– Спасибо, бро. Теперь я твой должник. Мансуров, эй! – он щелкнул пальцами, привлекая к себе внимание. – На Земле ты не победишь Сектор, потому что многие делают на нем деньги. Здесь это реальнее. Мы должны найти и прикончить матку, тогда вторжение на Землю потеряет смысл.

Шейх раскинул руки:

– Где ты ее будешь искать? Это не корабль, это долбанный населенный астероид! Мы будем блуждать из отсека в отсек – безоружные, голодные и злые? Надо возвращаться. Какие-никакие, у меня есть связи, меня должны послушать... Если действовать осторожно.

Данила сел на корточки рядом с Мариной, потрогал ее за плечо, но она лишь дернула головой и прижала колени к животу.

Шейх остановил кровотечение, навис над Астраханом и проговорил:

– Похоже, тронулась. Она и раньше была слегка не в себе.

В душе Данилы шевельнулась ненависть – слабо и неубедительно. Наверное, потому, что Момент был равнодушен к Шейху, и его безразличие погасило ненависть. Личность Моменты окончательно прижилась, Даниле передались его привычки, привязанности, даже слова-паразиты. А может, его ненависть утихла потому, что все, что было между Астраханом и Шейхом – смерти, ложь, предательство, – осталось на Земле, и теперь они делали общее дело?

Оставив комментарий Шейха без внимания, Данила принялся гладить Марину по волосам. Девушка перестала вздрагивать и скулить и вроде бы даже успокоилась.

Рэмбо потерял интерес к людям и, будто зачарованный, ходил по залу, то исчезая за «пальцами», то появляясь. Маугли таскался за ним и, разинув рот, ощупывал клинопись так же, как это делал длинноволосый наемник-лингвист. «Ксенолог», – подсказала память Моменты.

– Каков наш план действий? – не унимался Шейх. – Тут небезопасно, – он указал на хамелеонов.

В нем бурлила энергия, будто не он шатался долгие дни по Сектору, а потом – по кораблю. Похудевший, осунувшийся, грязный он все равно внушал уверенность и стабильность. Прирожденный командир.

Данила огляделся. Выхода из пещеры было два: один в конце зала, через который они сюда попали, а второй – по другую его сторону, позади кресла.

– Здесь мы бесполезны, кроме того, скоро воспрянут хамелеоны, от которых нам нечем отбиваться. Рэмбо! – крикнул Астрахан – наемник нарисовался рядом и прошептал:

– Чего шумишь?

– Что там написано? – Данила махнул на кресло. – Куда ведет тот телепорт? И сможешь ли ты узнать, где матка?

Рэмбо направился к телепорту, и тут вход в противоположном конце зала, засвистев, активировался. Наемник развернулся прыжком и выхватил нож. Шейх тоже обнажил свой и попятился. Данила попытался поднять Марину, но она снова скрутилась калачиком.

Из черноты вынырнули карлики с одинаковыми бледными лицами-масками – роботы-убийцы, охранная система Улья. В руках у них были уже знакомые подобия пистолетов. Раз, два, три... Шесть штук. Пригибаясь, из телепорта вылез их управляющий, рейд-босс: человекообразный, со внешним скелетом, он отдаленно напоминал самцов пришельцев. Рейд-босс выхватил пистолет, карлики повторили его движение, но стрелять не спешили, медленно и уверенно приближались.

– Отходим за кресло, и к телепорту! – скомандовал Шейх и попятился. – Они не стреляют, потому что боятся повредить Централь!

Данила снова попытался привести Марину в чувства, но она не понимала, что происходит, и даже пыталась отбиваться – маленький ребенок, не иначе. Но в ее действиях просматривалась некая осознанность.

– Марина, очнись! Если мы прямо сейчас не пойдем, – говорил Астрахан, поглядывая на роботов, – то нас убьют.

– Оставь ее, – велел Шейх. – У нее, как и у Лукавого, мозги спеклись.

– Я своих не бросаю, в отличие от некоторых, – отмахнулся Данила, перевернул девушку на спину и поднял.

Сопротивляться Марина не стала, наоборот, обмякла и ткнулась носом в его грудь. Рыжие кудряшки щекотали подбородок. Она была легкая, почти невесомая, и Данила приставным шагом двинулся к телепорту, где Маугли уже тянул руку к панели.

«Если Улей обладает подобием интеллекта, то он не должен выпускать незваных гостей», – эта мысль занозой засела в сознании Данилы. Но телепорт ожил, световой отпечаток плиты-«монеты», встроенной в пол, соединился с аркой, еле различимой в стене над выходом. Зрачок глаза, изображенного на «монете», начал расширяться, превращаясь в черный межпространственный тоннель.

Данила шагнул туда последним и зажмурился, ожидая, что его рассеет на атомы – он ведь враг Улья. Но ничего такого не произошло. Подошвы коснулись твердого пола, кто-то поддержал, взяв под локоть. Астрахан раскрыл глаза: Рэмбо. На лице – беспокойство, лохматые брови вздернуты. Недавний враг оказался неплохим парнем. И Шейх-то не настолько скверен, не исключено, что, подставив диверсионный отряд Данилы, тоже выполнял чей-то приказ. Если хорошенько подумать, то напрашивается вывод, что нет совершенно паршивых людей. Все определяют пересекающиеся интересы.

Раз Улей не стал уничтожать врагов, значит, его основная задача – выполнить программу вторжения, а что происходит внутри – проблема системы безопасности, которая не дремлет.

В этом отсеке царил полумрак, даже скорее темнота, влажная сырость тропических джунглей после ливня, и запах такой же – земли, червей и гнили. Что вокруг – деревья или стены, – из-за тумана рассмотреть было невозможно.

Марина на руках Данилы шевельнулась, прерывисто вздохнула и судорожно вцепилась в его футболку. Рядом нарисовался Шейх, покачал головой:

– Так и будешь ее мертвым грузом таскать?

– Тебе-то что? – Данила опустил девушку на пол (все-таки это был прорезиненный пол), размял затекшие руки.

– Уменьшаешь мобильность отряда. Но как знаешь, конечно. Вдруг она и правда в себя придет? Она ведь побывала... как бы это сказать поточнее, – Шейх хмыкнул, – в мозгах корабля. Все здесь? Мальчик! Где мальчишка?

– Здесь, – Маугли шагнул из-за спины Данилы и прижался рукой к его боку.

– Отлично, – Шейх вытер влажное лицо. – Ничего хорошего, конечно, но мы живы.

– Мы безоружны – это минус, зато мы живы – это плюс, – сострил Рэмбо. – Если нападет какая тварь, придется с ней врукопашную бороться.

Данила уселся возле Марины и отшутился:

– А потом тебе змееглазые скульптуру слепят: Рэмбо, разрывающий пасть хренозавру.

– Хватит трепаться, – прервал их Шейх. – Определяем цель и движемся к ней. Иначе мы сойдем соплями и сгнием.

– Взять под контроль корабль у нас не получилось, – проговорил Данила. – И, видимо, не получится. Переходим к плану номер два: найти ясли с маткой и разумными и перебить молодняк.

– Одобряю, – поддержал его Рэмбо. – Улей – все равно что наседка. Для него главное – вырастить матку и разумных хамелеонов и отправить их на Землю. Измененных людей он не считает своими, они ему нафиг не уперлись, это рабочая сила для хамелеоньей элиты, то есть Разумных, а они еще не вылупилась. Сейчас от нас зависит, что будет на Земле. Оцените торжественность момента!

Шейх, похоже, тоже согласился:

– Дело за малым: найти и убить. Мы не знаем даже примерного направления – это раз, два – чем будем отбиваться от роботов? Наивно полагать, что Улей оставит без присмотра самое ценное.

– Эх, командир, какой же ты пессимист, – покачал головой Рэмбо.

– Я реалист, – отрезал Шейх. – Надо поискать оружие, а ты, Рэмбо, читай надписи... А вообще-то хотелось бы знать, что на Земле.

Говоря это, он поник и постарел лет на десять, широкие скулы проступили под кожей, раскосые глаза поблекли, и Данила возрадовался, что у него не было семьи и тех, за кого он бы переживал. Разве что сестра... Сестренка Момента стала ему родной. Инстинктивно отряхнувшись, он поднял Марину (сейчас казалось, что она просто спит) и сказал:

– Ну че, товарищи, в поход за подвигами?

Им овладела странная эйфория – то ли проснулся оптимизм Момента, то ли передался азарт Шейха.

Вскоре стало ясно, что они в широком коридоре. Шагая по полу, пружинящему под ногами, Данила вспоминал мать – свою и Момента – и думал, что же все-таки сейчас творится там, за тысячи световых лет отсюда...

* * *

Полицейский УАЗ не ехал по трассе – прыгал с кочки на кочку, и Россу казалось, что печень и почки скоро оторвутся, а мозги превратятся в кисель. Но больше всего ему сейчас хотелось не тихой езды, а чтобы в кабине было маленькое зарешеченное окно. Встать, выглянуть на улицу, в июль, и попрощаться с залитыми солнцем домами, ярко-зелеными, еще не запыленными липами, длинноногими девчонками в коротких юбках.

За два дня в «обезьяннике» он стосковался по открытому пространству, но в этой стране не то что о преступниках – о честных гражданах мало кто думает. Да и есть такая тенденция: вчера ты просто гражданин, а сегодня – «гражданин, пройдемте»! Ты никого не убил и не

обокрал – просто перешел дорогу тем, кто сильнее тебя. И теперь сиди в душной коробке кузова, глотай пыль и бензинную вонь.

УАЗ перестало трясти, с лязгом распахнулись дверцы будки и донесся немолодой, бодрый голос:

– Савельев, на выход!

Свет резанул по глазам, Росс сощурился, хотел прикрыть глаза руками, да наручники не дали. Пригнувшись, он скользнул на улицу. Его поджидали два сержанта – один молодой и конопатый, второй лет сорока пяти, с солидным момоном; оба были по форме и вооружены АК. Росс вскинул голову, улыбнулся небу, перечеркнутому белым следом от самолета, мысленно коснулся по-весеннему зеленых листьев лип, расслабился и чуть не налетел на припаркованный рядом «мерседес».

– Пошевеливайся, – буркнули за спиной, и Росс прибавил шаг, спугнув купающихся в пыли воробьев.

Здание УВД, строгое, белое, шестиэтажное, надвигалось медленно и неумолимо. Возле запертой бронированной двери общались двое то ли гражданских, то ли оперов. Завидев Росса, один из них затушил сигарету, а второй сплюнул.

В сумеречном коридоре УВД пахло сыростью, к стене жались три потертых стула и сухонькая бабка в ядовито-зеленом платке. Бабка теребила файл с документами и причитала, причмокивая беззубым ртом. Дежурный проверил документы, протянутые сопровождающими, сделал запись в журнале, и лампа над решетчатой дверью мигнула зеленым.

Вправо и влево тянулись плохо освещенные коридоры с рядами одинаковых дверей. Свернули налево, остановились. Росс прочел табличку: «Старший следователь Константин Олегович Кошкин». Воображение тотчас нарисовало жирного плешивого мужичонку, зачесывающего челку на лысину.

От яркого света глазам снова стало больно, в нос шибануло табаком, лосьоном после бритья и чем-то тошнотворно-терпким. Росс прищурился. Стол напротив двери пустовал, старший следователь сидел под окном за вторым столом в дальнем конце кабинета, солнечные лучи обтекали его тело, и чудилось, что оно охвачено сиянием, как нимбом, так что лицо Кошкина было трудно разглядеть.

– Присаживайтесь, обвиняемый Савельев, – следователь указал на стул.

Росс воспользовался предложением и вытянул ноги. Он не мылся двое суток, и под левой лопаткой нестерпимо зудело. Следователь положил на стол ключи от наручников и принялся листать дело, изображая озабоченность:

– Ростислав... надо же, тоже Олегович. Статья 222-я, торговля оружием, до четырех лет лишения свободы, знаете, да?

Росс кивнул. Расстегнул наручники и положил на стол. Следователь совершенно не походил на то, что ожидалось увидеть. Это был мужчина средних лет, брюнет, с чуть раскосыми глубоко посаженными глазами, тонким хищным носом и выбритым до синевы массивным подбородком с крупной ямкой. Эдакий уличный котяра, матерый, битый в боях.

– Можно позвонить адвокату?

Кошкин проигнорировал вопрос и продолжил:

– Хотите сигарету?

– Спасибо, не курю.

– Как знаете, – следователь снова углубился в личное дело.

Росс знал, что дознаватели чаще всего разыгрывают два сценария: злой следователь и добрый. Второй сценарий срабатывал чаще: подозреваемый после многосуточной пытки «обезьянником» впервые сталкивался с человеческим отношением и готов был выложить что угодно, а если не выложить, то подписать. Кошкин пытался изображать доброго мента, но актером был никудышным, поэтому и на его лице, и в жестах читалось равнодушие. Он даже не

смотрел на Росса. Подумаешь, надо еще одно дело «сшить» – ерунда! Скорый отпуск – дело гораздо более важное.

– Давайте поговорим как человек с человеком, без протокола? – предложил Кошкин и уставился на Росса грустными-прегрустными глазами, которые прямо кричали: «Как же вы все меня задолбали!»

– Хорошо, – Росс подался вперед. – Вы знаете, что дело сфабриковано. Я торгую макетами оружия, что законом не запрещено. Я вообще закон не нарушал. Зачем мне продавать боевые стволы, когда макеты стоят дороже? В двадцать пять у меня все есть – квартира, машина... Ну на фига мне рисковать?..

– А вот это, молодой человек, мне и предстоит выяснить.

«Хана, – подумал Росс, холодея. – Посадят. Ему велено меня посадить, и он будет искать, к чему прицепиться. Вскрыли посылку, заменили макеты ПМ боевыми стволами, и вот твоя камера, Росс! Пашку, который отправлял посылку, сейчас тоже, наверное, таскают. Чертово государство. Чертово общество. Надо было валить за бугор или Сектором заниматься, как большинство успешных людей...»

– Против вас, Ростислав, факты: три боевых ствола. Понятые подтвердили их наличие. Экспертиза – назначение. Упирается бессмысленно.

В окно билась жирная муха, она тоже стремилась на волю, за решетки, где колышутся молодые побеги вишни, а за ними мелькают машины. На Росса медленно опускался потолок, решетки утолщались, а небо за стеклом бледнело. 222-я статья – это четыре года, если по максимуму. То есть два года, точно, придется топтать зону. Не зря говорят, что от суммы и тюрьмы... Вот же попадалово! И ведь совершенно ни за что!

– Не осложняйте жизнь себе и мне, – продолжал следователь выцветшим голосом, сцепив на столе лопатообразные руки. – Не верится в то, что вы, молодой, предприимчивый, способный, потащили в дом посылку, не проверив ее. Да и вообще, странно это все: посылки, заказы...

Росс сжал кулаки. Не психовать. Вести себя достойно. Срочно позвонить Ваньке Венину, пусть защищает, без адвоката тут никак. Сейчас следак, по идее, должен начать прессинг. Росс не ошибся.

– Нужно еще ваши каналы проверить, тут контрабандой пахнет, что, заметьте, тоже статья. Деньги к вам регулярно поступают из Украины, а посылки вы туда не отправляете и сами не ездите. Странно, да?

Голос следователя, безжизненный, как целлофан, шелестел и шелестел, Росс старался не смотреть на равнодушную морду Кошкина, чтобы не яриться. В этот миг он был для Росса средоточием всей человеческой гнили, одним из многочисленных жерновов системы, которая победила-таки и, будто зубами, щелкала шестеренками, готовая перемолоть жертву.

Распахнулась дверь, и в кабинет ворвалась молоденькая секретарь с фигурой фрекен Бок из «Карлсона», разинула алый ротик, но Кошкин гаркнул на нее:

– Почему без стука?!

Дама заморгала, ее огромная грудь, выпирающая из-под пиджака во все стороны, заколыхалась. Прямливая извинение, секретарша исчезла.

Следователь продолжил:

– Вернемся к нашему разговору...

– Я бы рад помочь следствию, – проговорил Росс, наблюдая, как лапища Кошкина щелкает кнопкой автоматической ручки об стол. – Но вы не заинтересованы в правде, так что я ни слова больше не...

На дороге завизжали тормоза, кто-то принялся сигналить, скрежетнуло металлом о металл, заголосили – дико и отчаянно. Следователь встрепенулся, уставился за окно: на дороге

из-за аварии образовалась пробка. Люди покинули машины и разбрелись по окрестностям. Счастливые свободные люди. Нет, жалкие людишки, недостойные свободы.

– Итак, – Кошкин отложил ручку и снова сцепил руки. – Я вас слушаю.

На улице заорала женщина так, что слова застряли у Росса в горле. Крик подхватили мужчина и ребенок. Кто-то возмущался, но слов было не разобрать.

– Не отвлекайтесь, – сказал следователь, с любопытством поглядывая в окно.

Росс молчал. Происходящее казалось ему неправильным, и он не мог понять, почему. Люди, пробка... Кто-то пострадал – это естественно. Пострадавшие линчуют виновника – тоже естественно: не так давно в Питере толпа разорвала депутата, который сбил женщину на переходе.

Что же не так?

Снова вопль. На этот раз орали прямо тут, в здании ОВД, да на два голоса. Застреко-тал автомат. Следователь вскочил, снова сел и вытаращился на Росса. Распахнулась дверь, и в кабинет ворвалась давешняя фрекен Бок: глаза навывкате, оскал, как у собаки, щеки колыхаются. Пухлые пальцы сжимают окровавленный кухонный ножик. Разинув рот в безмолвном крике, она ринулась на Кошкина, который такого поворота событий не ожидал и остоленел, вытянувшись в струнку у стола.

Росс успел среагировать: вскочил и ткнул ее в шею. Нормального человека такой удар вырубил бы, дамочка же пошатнулась и развернулась к Россу, растопырила руки-ноги и захромала к нему. Психоз? Почему она не упала?

– Лена, твою мать! Ты что творишь? – бормотал Кошкин, вынимая пистолет.

Росс не спешил драться с дамой, пытаясь понять, что с ней. Походка разболтана, движения раскоординированы, зрачки расширены... Она наркоманка? Не похоже, он вырос в наркоманском районе и безошибочно определял наркоманов в толпе. А если рукой поводить у нее перед носом? Не реагирует. А если в сторону метнуться?

Росс отскочил вдоль стены к выходу. Дамочка тотчас о нем позабыла и сосредоточилась на следователе. Раскосые глаза Кошкина округлились, пистолет (боевой «макаров») в его руках дрожал.

– Елена! Стой на месте. Еще шаг – и я стреляю!

Ужас Кошкина передался Россу. Вот она, неправильность – в этой женщине. Чуждая, леденящая душу неправильность. Взрослый мужчина, который наверняка видел смерть, пасует перед ней, как мальчишка.

Росс не стал ждать, пока следователь выстрелит, подкрался к женщине сзади, выкрутил ее руку, сдавил пухлое запястье, рассчитывая выбить нож. Хрустнул локоть, рука неестественно выгнулась, но пальцы не разжались.

Да она боли не чувствует! Наманикюренные пальцы свободной правой руки впились в ветровку Росса. Женщина не лягалась и не стремилась отбиться. Похоже, она задалась целью оцарапать его во что бы то ни стало.

– Что с ней делать? – спросил он у Кошкина; тот помотал головой:

– Я вызвал подмогу, но почему-то никто не спешит...

Снова распахнулась дверь, и влетел до полусмерти перепуганный молодой сержант, из тех, что везли Росса, с автоматом наизготовку.

– Отойди от зомби! – заверещал он, целясь в Росса и дамочку.

Пришлось рыбкой нырять под следовательский стол – автоматная очередь прошла сумасшедшую, несколько пуль пробило стекло. Росс поднялся возле Кошкина и вытаращил глаза: грудь и живот Лены заливала кровь, но секретарша продолжала идти, пуская розовую пену.

Сержант привалился к двери и, перемежая «отче наш» матом, вставлял патроны в магазин. Следователь методично разряжал обойму: три в грудь, контрольный в голову. От каждого выстрела женщина вздрагивала, но не останавливалась.

Росс засмеялся и потер ладонями щеки. Это неправда! Это какой-то дурацкий розыгрыш! На самом деле у женщины под одеждой – пакеты с краской! Ну не может человек остаться на ногах после, минимум, десяти выстрелов!

Человек ли?

Бред, сон, розыгрыш! Росс здесь, в хрустальном шаре здравого смысла, а эти шуты – вонне. Их движения плавны и неестественны. И дырка во лбу дамочки ненастоящая. Пора просыпаться, Росс!

Сержант справился с автоматом и разрядил обойму в секретаршу. Она наконец пошатнулась и рухнула.

Хрустальный шар треснул и брызнул осколками. Росс стоял возле стола следователя и не врубался в происходящее. В коридоре орали, визжали люди, грохали выстрелы.

– Что происходит? – прохрипел он.

– Они... там... по-повсюду, – захлебываясь дыханием, тараторил сержант – совсем мальчишка, рыжий и всклокоченный, его оттопыренные уши алели ломтиками помидоров, темно-желтые глаза выкатились, как у пекинеса, и держались, казалось, на честном слове.

Кошкин ошалел и замедлился. Даже говорил он тихо, неторопливо:

– Кто – они?

– Зо-зо-зо! – парень хватал воздух ртом, потом икнул и выдал: – Зомби! На-на-напали на отделение. На-на-надо прорываться.

В дверь ударили. Сержант уперся в пол ногами, спиной привалился к двери, закатил глаза, перекрестился и принялся читать молитву, его острый кадык дергался. Росс метнулся к парню, чтобы помочь, прислушался: больше никто не ломился, из коридора доносилось:

– Немедленно отпустите! Что вы делаете? Куда вы меня тащите?

Визжали женщины, кто-то матерился и стрелял из пистолета.

– Что делать будем? – обратился Росс к Кошкину. Тот сидел и раскачивался, упершись локтями в стол и сжав виски.

– За-за-за... – подал голос сержант. – Забаррикадируемся. Переждем.

Росс качнул головой:

– Нет. Надо прорываться. Они разделяются с людьми и возьмутся за нас. Мы долго не продержимся, тут даже воды нет. Кошкин, твою мать, хватит тупить!

Следователь вскинул голову: лицо у него было совершенно отрешенным, Росс даже подумал, что он тоже... Но Кошкин тряхнул головой и сделался прежним. Пришлось повторять:

– Бежим к выходу. У вас огнестрел – хорошо. Я вооружусь стулом и пойду на прорыв, а вы прикрывайте... Кошкин, холодное оружие есть? Хоть табельное, хоть... какое угодно.

– Нет, – ответил тот, заряжая «макарова».

– Не дайте им се-се-се... себя ранить... Заразить, – пробормотал сержант, заикаясь; он пунцовел, и веснушки на вздернутом носу проступали отчетливей.

– Вооружишься стулом, или мне послышалось? – спросил подобранный Кошкин.

Усмехнувшись, Росс взял стул за спинку и долбанул о стену, а потом доломал его на полу, выкорчевывая ножки. В итоге в его руках остались довольно длинные палки с гвоздями.

У выхода он помедлил, стараясь унять бешеное сердцебиение и восстановить дыхание. За его спиной сопели два его недавних врага. Пинком распахнув дверь, Росс выскочил в коридор и прижался к стене: два лейтенанта в форме куда-то волокли закованного в наручники сержанта – его второго конвойного. Тот сучил ногами и все пытался выяснить, куда же его волокут и что с ним собираются сделать. Остальные зомби... или сумасшедшие... или кто они там рассредоточились по кабинетам.

– Васильич! – заорал рыжий сержант и разрядил обойму в зомби.

– Идиот! – воскликнул Росс и побежал на выручку Васильичу, рассчитывая просто затолкать тварей в какой-нибудь кабинет и запереть там.

Дернул одну дверь – закрыто, вторую – тоже, третья распахнулась. Росс попятился, помахивал зомби пальцем, бормоча:

– Сюда, сюда идите! Вот так, к проходу ближе... ну!

Когда они поравнялись с дверным проемом, Росс ринулся в атаку: ударом ноги в корпус отправил первого зомбака в кабинет, а второй распластался поперек коридора и, скалясь, пытался дотянуться до Росса окровавленными ногтями.

Кошкин и сержант подхватили Васильича и поволокли к выходу. Росс методично бил палкой в висок зомбаку, пока его команда не доберется до выхода.

Перепрыгнув через тело зомби, Росс рванул на улицу, замешкался возле раненого дежурного, того самого, что пропускал их в здание, осмотрел его: зомби разодрали полицейскому шею и повредили жизненно важные артерии.

– Прости, парень, – проговорил Росс и поднял валяющийся на полу автомат.

Полицейский дернулся и захрипел, закатив глаза.

Росс думал, что менты уже разбежались, но они ждали его. Даже Васильич, которому далеко за сорок, заглядывал ему в рот.

А он – что? Он просто пытался выжить, дотянуть до выхода. Он надеялся, что за дверями ментовки – прежний мир, сытый и спокойный. Это игровой квест, пройди его – и ты свободен.

Вот цель достигнута, но ничего не изменилось. Точнее, наоборот, изменилось все. Не ревели трасса, воздух был тягучим и терпким. Казалось, что даже ветер притих и затаился при виде *них*. Мотая опущенными головами, *они* шатались совершенно бездумно: вдоль дороги, по клумбам, некоторые топтались на месте.

Пухлый Васильич, освободившийся от наручников, и сержант синхронно крестились и бормотали, Кошкин щурился, кусая губу, словно собирался что-то сказать. Наконец он не выдержал и выдал:

– Всю жизнь мечтал, чтобы кто-то поставил раком этот долбанный мир, но что-то как-то я этому не рад. И вообще, это бред. Белка. Бухать меньше надо, старший следователь Кошкин!

Теперь Росс понял, чем еще воняло в кабинете следователя – перегаром.

Захихикал сержант; потом обвел улицу широким жестом и затараторил:

– Это ж... зомби! Твою мать, настоящие, ре-ре-реальные зомбаки!

Васильич посмотрел на царапины, покрывающие его руки, и сказал:

– Ну, парни, значится, крышка мне. Так-то. Укушенный я.

– Да ладно тебе, – отмахнулся Кошкин. – Вдруг это неправильные зомби... Господи, ну и чушь я несу! И вообще, этого не может быть, правда, подозреваемый?

– Теоретически – не может. Практически – оглядитесь. Короче, так: садимся в УАЗик и валим из города.

Васильич воспротивился, багровея шеей и щеками:

– Та ну! У меня семья в Мытищах, мне туда надо.

– Хрен ты туда проедешь, коллега, – ответил Кошкин, держа пистолет наготове, хотя *они* не нападали. – Туда и так обычно пробка, а в сложившихся обстоятельствах... Да и не факт, что твои не стали таким же, – Кошкин кивнул на зомби.

– У меня дети! – не унимался Васильич. – Они без меня пропадут. Доча на пятом курсе, сына на первом...

Тем временем *они* замерли, будто по команде, и завертели головами. Люди среди *них* тоже встречались, но реже. Окровавленная женщина пыталась привести в чувства мужа-зомби, папаша так увлекся умирением близнецов, утративших человеческое обличье, что не заметил шестерых подозрительных прохожих, берущих его в кольцо.

Росс указал на попавшего в западню папашу, прицелился в зомби и начал спускаться по ступеням:

– Полиция, блин! Ваша задача – защищать граждан. Тем более нас так мало осталось.

– Отставить геройство! – гаркнул Кошкин.

На его крик отреагировали зомби, слоняющиеся возле ОВД: вытянули шеи, будто собаки, взявшие след дичи, и дружно двинулись к порогу с двух сторон. Среди них затесалась девчонка, которую они почему-то не трогали.

– Девушка, эй! – воскликнул Васильич, пятясь. – Срочно уходите оттуда! Это опасно!

Но девушка не отреагировала, остановилась и в упор глянула на Росс. Взгляд ее холодных мертвых глаз выворачивал наизнанку, ничего в них не осталось человеческого, как и на отрешенном лице, больше напоминающем гипсовую маску. Шла она плавно, будто перетекая с места на место, и сердце замирало от ее нездешней грации. Люди так не двигаются! Росс отступил. Не зомби, но и не человек!

Шестеро зомби разделились: трое тех, что приближались справа от входа в ОВД, напало на папашу, детишки к ним присоединились и рвали, кусали, царапали молодого мужчину, а трое других направилось к порогу, им оставалось пройти метров двадцать. Росс отметил, что зомби, шатающиеся возле парковки, тоже двинулись сюда.

– Твою же мать! – пробормотал Васильич за спиной, щелкая затвором.

– К стоянке! – крикнул Росс и ринулся наперерез трем зомби, стреляя на ходу. – Они сейчас ка-а-ак навалятся толпой, и хана.

Менты побежали за ним.

Зомби ненадолго замедлялись, когда в них впились пули. Россу показалось, что с каждой минутой твари двигаются все резвее. Он с тоской подумал о старушке ТОЗ¹, конфискованной ментами, и о пулях «диабло», которые уж точно остановили бы проклятых тварей. Увы!

Словно догадываясь, куда спешат люди, зомби выстроились цепью поперек дороги, преграждая им путь к УАЗику. Росс сначала пер на них, а потом резко вильнул в сторону и оббежал по клумбе, чуть ли не прижимаясь к зданию ОВД. Следом спешил Кошкин, сопровождая каждый выстрел из ПМ нецензурной бранью. Сержанты действовали командой, они обошли зомби с другой стороны дороги и достигли УАЗика первыми.

Росс грешным делом подумал – свалят, бросят его и Кошкина на погибель, ан нет, рыжий распахнул дверцу и отчаянно замахал рукой:

– Скорее! Они близко!

Впереди было как раз четыре места: водительское, «кресло смертника» – их заняли сержанты, – и два повернутых друг к другу сиденья у стенок.

Росс сел полубоком, чтобы видеть, что творится на улице. Водитель, рыжий сержант, бормоча молитву, пытался завести машину. Мотор всхрапывал, но глох.

Все зомби ринулись к машине. Росс с ужасом глядел на мужчину в майке и белых штанах – бритого наголо здоровяка с бугристыми мышцами, Двигался он плавно, будто танцуя, на застывшем лице – ни эмоции.

Васильич стрелял одиночными в раскрытое окно – на платьях, футболках, пиджаках расцветали алые пятна.

Здравый смысл Росса отступил, забаррикадировался на задворках сознания и твердил: «Этого не может быть!»

Не может! Во-первых, зомби просто не бывает, а если допустить, что они все-таки есть, то это гниющие трупы, кровь в их телах должна свернуться и загустеть. Эти же вполне по-человечески истекали кровью, правда, дóхнуть не спешили.

Что это? Влияние проклятого Сектора? Испытание оружия по управлению населением? Стадо окончательно потеряло разум и стремится уничтожить тех, у кого сохранилось мышление?

---

¹ Общее обозначение для охотничьих ружей и карабинов, выпущенных Тульским оружейным заводом.

Наконец мотор взревел, пахнуло бензином, машина, взвизгнув тормозами, рванула к дороге вдоль отделения. Зомби шли навстречу, тянули руки к машине. Вот дама в сиреновом пиджаке оскалилась, тянется... Бум! Отлетела в сторону. За ней ковылял дед. Хрясь! УАЗ подпрыгнул, переезжая тело.

Рыжий сержант выжал газ, и машина рванула с места – твари кеглями полетели в стороны. Росс с ужасом отметил, что зомби не убивают людей – ранят, связывают и куда-то тащат.

Когда УАЗ вылетел на трассу, полную остановившихся машин, перекрывая шум мотора захрипела рация, пару раз кашлянула, а потом сильный, но взволнованный баритон проговорил:

– Внимание, внимание! Всем выжившим просьба сохранять спокойствие и двигаться в сторону столицы, Санкт-Петербурга, где ситуация под контролем. Повторяю...

Рация смолкла, рыжий затараторил, почти не заикаясь:

– Видите: не по всему миру так! Питер цел!

– Значит, попытаемся прорваться туда, – сказал Росс.

Сержант дал газу, и УАЗ заплетал между остановившимися машинами.

* * *

Яна шла в авангарде маленькой группы, за ней – Юрка, Олечка по прозвищу Белка и Пупс. Точнее, первой бежала Штучка, Янина такса. Под ногами шелестела опавшая хвоя и прошлогодние листья, кое-где попадались целлофановые пакеты и шприцы. Пупс в третий раз за сегодня пошутил:

– Вот сколько биотинзависимых развелось!

Штучка хамелеона не чуяла и семенила, зарываясь носом в землянику. Оля-Белка то отставала, собирая ягоды, то забегала вперед, и ее хвостики соломенного цвета мелькали в кустах, откуда то и дело доносились восторженные возгласы:

– Вау! Тут лисички! Несметное множество лисичек! А черники, черники-то!

Пупс на такие призывы реагировал минутным «залипанием» – топтался на месте и сопел, решая, спешить к любимой или идти дальше, к озеру. Приходилось вызывать к Белкиной совести, она по обыкновению кричала: «Бегу», но торчала со своими грибами-ягодами еще минут десять, а потом таки летела, окутанная звенящим облаком комаров.

Яна все больше злилась, что не найдут они сегодня хамелеона, а ведь обещала друзьям! Не стоило Короткова слушать, он трепло то еще. Приходил пару дней назад к отцу, генералишка недоделанный, лапшу по ушам развешивал горстями, что-де в Джамгарском парке хамелеонов тьма, хоть патрули вводи, чтоб отстреливали. Вот такое дурацкое получилось празднованье окончания учебы.

Одно утешало – Юрка рядом. Только Яна начинала нервничать, как он обнимал за талию, целовал в шею, дышал в ухо, и злость моментально улетучивалась. Она знала, что Юрку не интересовала ни природа, ни Сектор, ни хамелеоны, он пошел сюда ради нее. Думая об этом, она распрямляла плечи от гордости: сумела-таки увести его у Арины! А ведь какой редкий парень: эрудированный, спортивный, да и просто красавчик.

В просвете между сосновыми стволами сверкнула синяя гладь пруда. Белка застрекотала:

– Говорят, что там тварь здоровенная водится и поедает купальщиков.

– Мной подавится, это уж точно, – отрезала Яна и зашагала быстрее; ножны с тесаком, пристегнутые к кожаному поясу, подгоняли, хлопая по бедру.

Раз уж охота на хамелеона не удалась, Яна отпустила Штучку, и она радостно принялась прочесывать кусты, гоняя мелкую живность.

– Белка, – оживился Юрка. – Посмотри на Штучку. Никого не напоминает?

– А должно?

– Ты себя точно так же ведешь.

«Берцы» Яны утонули в желтом прибрежном песке. В зеркальной воде отражалась зеленая полоса деревьев, туша ресторана с выбитыми стеклами и останки лодочной станции, крыши далеких многоэтажек. Рев МКАДа остался за лесом. Над головой шептались осины, звенели синицы, вдалеке разорялась сойка. Изредка в первобытную тишину врывались едва слышные автомобильные сигналы.

Яна потянулась и прошептала:

– Красота! Словно в другом мире, где вымерли все человеки.

– Давайте уже пообедаем, что ли? – предложил Пупс и поставил на землю рюкзак; тотчас налетела Белка и принялась добывать из него еду.

– Жаль, что ты мелкого не взяла. Ему б понравилось, – тараторила она.

– Без хомяков спокойнее, – ответила Яна, вспоминая братца Димку, хомячка-мутанта, пожирателя всевозможного шлама – литературного, музыкального и информационного. – Он мешал бы, слушал свой дебилизм с попсой.

Яна первым делом отстегнула пояс с ножнами и шокером, потом избавилась от рюкзака и куртки, расшнуровала «берцы», закатила штаны и направилась к воде.

– Что ты делаешь? – неубедительно возмутился Пупс.

– Ловлю чудище на живца. Пока я купаюсь, сообразите поесть.

– Это опасно! – поддержала Пупса Белка. – Сектор ведь недалеко.

– Да ладно, – отмахнулась Яна, стаскивая мокрую майку. – Мы так пропотели, что ни одна тварь не позарится.

Теперь – долой камуфляжные штаны, тяжелые и жаркие, и здравствуй живительная прохлада! Прежде чем нырнуть, Яна все-таки замешкалась: в воздухе словно разлили тревогу. Она призналась себе, что трусит, но отступить уже поздно – стыдно. Собираясь с духом, она глянула на свое отражение, осталась довольна и, набрав побольше воздуха, нырнула.

Она могла задерживать дыхание под водой дольше минуты, чем и воспользовалась, а, вынырнув, наблюдала забавную картину: вдоль берега с громким лаем носилась Штучка, Юрка стоял, сосредоточенно глядя вперед, Белка и Пупс, привыкшие к ее шалостям, не реагировали.

– С ума сошла? – в голосе Юры читались возмущение и обида. – Гребь назад, ну его на фиг, тут Сектор рядом, вдруг что забрело-заплыло?

– Ладно, уговорили, – Яна брассом поплыла к берегу.

Юра ждал ее у кромки воды, протягивал майку, дабы защитить грудь подруги от взглядов Пупса.

– Зря вы не пошли, – сказала Яна, натягивая штаны. – Бодрит!

Юра обнял ее, прижался и шепнул в самое ухо:

– Давай отойдем минут на пять, надо тебе кое-что сказать.

– Лучше после еды, пятью минутами мы ж не ограничимся! – отмахнулась она, присела и погладила Штучку, танцующую на задних лапах. Собаке извинения за беспокойство хватило, и она смылась прочесывать окрестности.

– Правда, сказать – и все, – Юрка заговорщически улыбнулся и подмигнул. – Но это надо совсем без свидетелей.

Что он задумал? Вон, как горят его синие глаза – и радость в них, и страх. Яна обулась и последовала за ним в лес. Далеко отходить не стали, просто свернули за кусты, чтобы силуэты Белки и Пупса исчезли из поля зрения.

– Присаживайся, – проговорил Юрка, подводя Яну к стволу поваленной сосны. – Не смотри так, просто... просто поверь мне.

Она пожала плечами и устроилась на стволе, как на скамейке. Юра подергал воротник футболки, покусал губу, сделал к Яне два шага и опустился на колени, склонив голову. На его протянутой ладони лежала черная бархатная коробочка.

– Возьми, это тебе.

Вскинув бровь, Яна приняла подарок. Раскрыла коробку и разинула рот: там блестело тремя брильянтами обручальное кольцо.

– Пойдешь за меня? – спросил Юрка, положил подбородок на ее колени и сдул прядь волос, выбившуюся из собранного на затылке хвоста.

– Юрка... – пролепетала она, отмечая, что дар речи отшибло начисто, волна тепла катится по позвоночнику, захлестывает и уносит, уносит. – Господи, Юра!

Она не заметила, как оказалась в траве в его объятиях. Душа кричала: «Да, да, конечно – да!», но правила приличия и природная вредность твердили, что нужно взять время на «подумать». Млея от счастья, Яна прижалась ухом к его груди и считала удары сердца.

– Я переведусь на заочку, – твердил Юра, перебирая ее волосы. – Третий курс мы отучились – меня должны взять помощником судьи. Деньги небольшие, но я буду стараться... я смогу зарабатывать, правда.

Юрка и Яна одни из немногих, кто поступил бесплатно, Юрка – на юрфак, Яна – в медуниверситет. Папа обещал подсуетиться, но Яна решила, что помощи не примет. На сэкономленные деньги любящий отец подарил ей машину.

Пьяная от счастья, Яна шевелила губами: «Остановись мгновенье, ты прекрасно». Юрка нагнулся и поцеловал ее, она прижалась к нему плотнее.

Вдалеке фоном захлебывалась лаем Штучка, метрах в десяти трещали ломающиеся ветви, но Яна не обращала внимания на посторонние звуки.

Она встрепенулась, когда Юрка сделал зверское лицо (это у него получалось очень хорошо) и возмутился:

– Вы че, обалдели? Че вам тут надо?

Яна вскочила и обернулась: сквозь кусты с упорством маньяков ломались Пупс и Белка, будто не соображали, что заросли проще обойти.

– Прекратите дурацкий розыгрыш, это не смешно, – проговорил Юрка дрогнувшим голосом, но парочка и не думала останавливаться.

Белка тоже была подорванной и любила мистификации, так что Яна совсем не удивилась. Разумом – не удивилась, сердце же подсказывало ей, что надо хватать Юрку в охапку и бежать от этих мертвоглазых людей. Юрку перекосило от ужаса.

– Оля, Белочка, прекрати, это не смешно! – говорила Яна, а сама пятилась и жалела, что тесак и шокер валяются на берегу, пристегнутые к поясу, и нечем защититься.

– Оставьте нас в покое, – лепетал Юра, не двигаясь с места.

Первой из кустов выбралась маленькая верткая Белка, она разорвала щеку ветвями – от верхнего угла скулы до ямочки на щеке и на футболку капала струйка неестественно-алой крови. Один Белкин хвостик съехал на затылок, второй распустился. Улыбчивая, зеленоглазая до неприличия малышка Белочка была обаятельной до невозможности; сейчас она стала другой.

Следом за ней вывалился Пупс. Рубаха на его расцарапанном пузе болталась ключьями. Теперь и Юрка попятился. Пупса перекосило, и он бросился на Юрку, но получил лоу-кик в бок и опрокинулся на спину; лицо у него было непроницаемым, словно он не чувствовал боли. Белочку Юрка в расчет не взял, она подбежала и впилась зубами ему в руку, а потом мазнула по укусу раненой щекой. Яна наконец пришла в себя и бросилась на помощь любимому.

Они познакомились на тренировках тайского бокса и были в числе лучших – Яна умела бить больно. Но и хрупкой Белке мощный удар не причинил вреда, она лишь отлетела в сторону.

– Что за черт? – прохрипел Юра, продолжая отступать в глубь леса.

– Так, – шепнула Яна, сжимая кулаки. – Нам надо назад, там шокеры и нож. Бежим к берегу!

Юрка рванул за ней. В голове была каша, сердце выскакивало из груди, Яна никак не могла совладать с телом, когда домчала до разложенного стола: вот хлеб намазан маслом, паштет открыт, огурцы нарезаны, открывалка торчит из баночки красной икры. Помидор расквашен – видимо, Пупс его раздавил.

Нацепить пояс, вынуть шокер, – приказывала себе Яна, но сведенные судорогой пальцы не разжимались. Наконец они послушались, и Яна обнаружила, что коробочка с кольцом до сих пор в руке. Положить в карман.

Взять пояс. Так. Теперь – справиться с застежкой. Помог Юрка: застегнул пояс на Яниной талии. В лесу затрещали ветки, появилась Белка – она снова продиралась кустами. При виде жертв даже не ускорила – просто нацелилась вперед.

– К машине, – прошептала Яна и рванула по песку вдоль пруда.

Бежали, побивая рекорды. Ноги увязали в песке, Яна то и дело оглядывалась на фигурки недавних друзей, что трусили вдоль берега. В фильмах героини в такие моменты обычно падали и подворачивали ногу, но Яна долго и упорно тренировалась, Юрка – тоже, и обходилось без травм. Сумасшедшие друзья постепенно отдалялись.

Машина ждала на другом берегу пруда, откуда легче выезжать на трассу. Когда оторвались от преследователей, немного сбавили темп, но остановились только у старенького судзуки «Джимми». Яна уперлась руками в колени, пытаясь отдышаться. Легкие рвало, перед глазами расплзались цветные круги, невольно катились слезы.

– Ключи-то хоть не в рюкзаке? – задыхаясь, спросил Юрка.

Яна помотала головой, вынула их из кармана штанов, отключила сигнализацию и села на водительское сиденье, сразу ощутив себя в безопасности. Юрка плюхнулся рядом – его черные волосы растрепались, глаза заблестели, Яна протянула руку и вытерла его потный лоб.

– Что на них нашло? Колес наглоотались? – спросил он с обидой в голосе.

– Похоже на то, – кивнула Яна и завела мотор, стараясь не думать о том, кого напоминали Белка с Пупсом на самом деле.

Машину затрясло на кочках, пару раз «Джимми» влетал в такие колдобины, где обычная пузотерка забуксовала бы, но ниче, вытянул. Возле полузаброшенных гаражей дорога выровнялась, но все равно выбоины встречались знатные. Яна рулила, остервенело матерясь, Юрка молчал. Заговорил он, когда повернули на улицу Широкую, где обычно много машин. Справа и слева возвышались многоэтажки – обшарпанные, серые, но жилые.

Юрка протяжно вздохнул, Яна улыбнулась и решила так и ехать до разворота на кольцо – с улыбкой на губах. Но чем ближе кольцо, тем неестественнее улыбка и четче ощущение нереальности происходящего. На этой части дороги машин обычно немного, вот они стоят у обочины. Люди бродят – все как всегда, но что-то не так.

Вот вдалеке показалось кольцо. Яна думала, что придется стоять на светофоре, но машин на повороте не было вообще! Она поглядела налево, направо и обомлела: все они стояли. Точнее, на дороге творилось что-то невообразимое, будто все автомобили разом потеряли управление и врезались друг в друга.

Все еще не веря своим глазам, Яна осторожно вырулила на сплошную, объехала «ниссан», мигающий аварийными огнями – он «поцеловался» с микроавтобусом. Водитель и пассажиры почему-то покинули место аварии.

Под светофором творился беспредел: все три полосы состояли из «свалки». Особенно печальная картина наблюдалась в правом ряду, где фура ударила «таврию», та протаранила «шевроле», а он загнал под «КамАЗ» «Черри», превратившийся в гармошку.

– Ч-ч-то... что за на фиг? – возмутился Юрка.

Яна дернула плечами, глянула на светофор: желтый мигнул и сменился красным. Вполне живой светофор, в то время как все остальное...

Пришлось объезжать «свалку» по обочине; под колеса она старалась не заглядывать, там тянулся широкий кровавый след. За светофором дорога пустовала, а вот дальше снова была «свалка». Яну затрясло, она припарковалась и уронила голову на руль.

– Поехали отсюда, а? – дрожащим голосом проговорил Юрка.

– Хорошо. Минуточку. Отдышаться. Мы сходим с ума?

Яна глянула на тротуар: кровавый след заканчивался кучей тряпья, в которой с трудом узнавался человек. Все пассажиры бесцельно шатались возле многоэтажек, некоторые топтались на месте и вращались вокруг собственной оси. Юрка указал на них пальцем:

– Не могу понять, это с ними или с нами?.. Ё-о-о, глянь, там кого-то волокут!

Четверо мужчин тащили связанного пятого, как муравьи – гусеницу, рядом шли два ребенка, чуть в стороне – молодая брюнетка в красном пиджаке с черным воротником. Она выглядела бы вполне нормально, если бы не шагала в одной туфельке. Того, что она почти босиком, женщина, похоже, не замечала.

– И вон, вон, с моей стороны! – крикнул Юрка. – Кобыла на дереве!

И правда: толстая женщина взгромоздилась на липу. Внизу собралась толпа человек в двадцать, но едва кто-то собирался вскарабкаться на дерево, как тотчас получал от толстухи палкой по голове.

– Скажи мне, что я спятил, – шептал Юрка, вжимаясь в кресло. – Блин, но это ж зомби-муви! Ре-аль-но-е! А вообще, куда мы едем?

Наблюдая, как обреченная женщина отбивается от зомби, Яна негодовала и всем сердцем желала ей помочь. Но, во-первых, туда никак не проехать, во-вторых, что они с Юркой сделают толпе зомби?

– Домой, – ответила Яна и поймала себя на мысли, что если все люди превратились в зомби, то это бессмысленно.

Дом – это уже не крепость, куда возвращаешься, когда плохо и больше некуда деваться. Семья – уже не семья, а кровные враги, потому что они отныне не люди. Теперь никого нет. Один Юрка остался. Так тоскливо сделалось, так безысходно, что Яна закусила губу. Жалко и родных, да и глупое это человечество жалко, ведь было и что-то хорошее!

А все-таки, может, кто-то из домашних выжил? Больше для самоуспокоения она сказала:

– Это в пяти минутах... Сегодня все должны быть дома.

Юрка промолчал. Видимо, ему тоже было все равно, куда ехать. Лишь бы не стоять на месте, не задумываться, просто глазеть по сторонам – не на людей, разом сошедших с ума, а на придорожные липы и тополя, синее небо, дома – на то, что осталось прежним.

– Янка, глянь! – вдруг возопил он, ёрзая в кресле. – Вон, сюда валят! Уезжаем!!!

И правда, от толпы, пытающей снять с дерева женщину, отделились семеро людей и двинулись к дороге. Шестеро шли, покачиваясь, седьмой, мальчишка-подросток, будто танцевал, взгляд его был направлен даже не на машину – сквозь нее. С другой стороны дороги тоже двигалась похожая семерка, но там на человека была похожа седенькая старушка, напоминающая учительницу математики.

– Что это значит? Глянь на пацана, на рэпера этого! Он же нормальный, вроде. Ну, точно, способен думать. Что же, он остальных направляет?

– На фиг! – воскликнула Яна и выжала газ.

О том, что ждет ее дома, она старалась не думать.

Глава 2

– Торопитесь, – повторил Шейх, снова оглядываясь. – Система безопасности бдит.

– Она бдит, если мы представляем угрозу, – прошептал Рэмбо. – Вдруг мы в бесполезном отсеке, где не причиним вреда ни Улью, ни матке?

Даниле приходилось труднее всех: на руках он нес Марину и не видел, что под ногами. Рэмбо шагал близко, иногда задевая его локтем, кивал на девушку:

– Давай помогу?

Руки онемели и, казалось, вот-вот отвалятся. Данила взял девушку поудобнее, а она, о чудо, обвила руками его шею. «Спасибо, дорогая, уже легче». Маугли семенил по левую руку, заглядывая в безмятежное лицо Марины.

– Ей лучше? – спросил он и убрал кудряшки с ее лба.

Данила наступил на его ногу, ругнулся – мальчишка отскочил в сторону и теперь держал дистанцию.

Ответил Шейх:

– Вряд ли ей когда-нибудь станет хорошо. Точнее, ей-то станет, а вот нам с ней таскаться будет невесело и нелегко.

Рэмбо отшутился:

– Зато если за нами погонится какая-то тварь, мы ее бросим и спасемся.

– Кстати да, – кивнул Шейх. – Оружия-то у нас нет.

Чем дальше уходили в глубь коридора, тем ярче становилось освещение. Лампочек не было, мягкий желтоватый свет излучали сами стены. Рэмбо искал надписи – безуспешно. Шейх танком пер вперед, поддерживая раненую руку. Кровь на его повязке наконец засохла.

Коридор закончился телепортом. Не дожидаясь одобрения, Маугли шагнул вперед и приложил ладонь к панели.

На этот раз Данила очутился в ярко освещенной комнате. Нет, скорее, коридоре со стеклянными стенами. Его искусственность не вызвала сомнений. Тут остро пахло... больницей. Как своевременно! Не выдержав, он опустил Марину на пол и размял затекшие руки, нагнулся, распрямился.

Рэмбо, разинув рот, шагнул вперед и остолбенел:

– Dog shit!

Лицо Шейха вытянулось – Данила видел его отражение в гигантских стеклах, за которыми что-то темнело. Маугли схватил Астрахана за руку, по-собачьи преданно заглянул в глаза. Словно спрашивая: «Что это, хозяин? Я не понимаю, объясни мне!»

Оставив Марину, Данила шагнул вбок, приблизил к стеклу лицо, как это сделал Рэмбо, и едва не отшатнулся: на него таращился ребенок лет пяти – совершенно лысый, с вытянутым черепом. Руки скрещены на груди, ноги поджаты, на лице – умиротворение. Похоже, малыша убили, когда он спал.

Пространство за стеклом от пола до потолка было заполнено прозрачной коричневатой жидкостью, в которой плавали зародыши, младенцы и дети до пяти лет. Точнее, не плавали – каждый трупик был словно прикреплен к своему месту невидимыми нитями.

Вторая стена тоже представляла собой «аквариум», но здесь хранились взрослые, в основном молодые женщины.

– Их с Земли воровали? – проговорил Данила шепотом, касаясь стекла. – Вот и не верь после этого тарелочникам и тому, что *они* следят.

– Похоже на то, – шепнул Шейх. – Причем воровали исключительно брюнеток... Азиаток? Нет. И на испанок они не похожи.

В воздухе витала смерть; все словно боялись потревожить духов усопших и говорили шепотом. Шейх зашагал вперед по длинному коридору. Эхо его шагов заметалось, отраженное куполом потолка.

Данила не был уверен, что из лаборатории есть выход, к тому же он устал и, положив спящую Марину у стены, подозвал Маугли:

– Присматривай за ней – это одно твое задание, второе – следи за входом. Если появится враг – зови нас. Понял?

Мальчишка с воодушевлением закивал, и Данила с чистой совестью зашагал вперед. Шейха и Рэмбо в коридоре не было, но откуда-то доносились их искаженные эхом голоса. Метров через двадцать в стене обнаружился арочный проход, широкий и низкий. Данила пригнулся, переступил порог и очутился в лаборатории, где в огромных аквариумах плавали черноволосые люди разных возрастов. Рэмбо изучал трупы, водил пальцем по стеклу и шевелил губами.

Помещение делила надвое арка. Данила пригнулся, нырнул под арку и очутился во второй, скудно освещенной половине лаборатории. Она тоже была заставлена аквариумами, где навсегда нашли покой змееглазые – в основном женщины и подростки. Мужчин Данила нашел двоих, но и те не старше двадцати пяти. Чуть дальше в овальных емкостях плавали дети змееглазых. Чтобы рассмотреть их получше, Астрахан прильнул к стеклу: мутанты. У одного младенца не было глаз, у второго руки напоминали тентакли, заканчивающиеся короткими пальчиками.

Шейх покинул светлую часть и застыл за Данилой.

– Тут, на стекле, что-то написано на их языке. Рэмбо!

Действительно, знаки едва читались из-за того, что напоминали мутный узор. Такое письмо сохранится до тех пор, пока цел прозрачный материал. Вряд ли это стекло...

Волосатый наемник отозвался из светлого зала:

– Тут тоже все подписано. Очень любопытно. Это лаборатория, к сожалению, половину слов я понять не могу. Наверное, термины. Одно ясно: гуманоиды – не земляне, и они – не опытные образцы, их просто изучали сотни лет назад.

Шейх почесал подбородок и сказал:

– Слушайте! Вдруг Улей не дом ищет – дома? Адаптирует планеты под нужды Роя. Заселяет и отправляется на дальнейшие поиски. Если так, значит у него не одна матка, а сотни зародышей. Убей одну – появится новая.

– Выходит, сначала Улей заселил планету Вождя и Лианы, – предположил Данила. – Потом – родину змееглазых, теперь до Земли добрался. И хрен ли мы попремся убивать матку, когда весь банк с генматериалом грохать надо.

– Это всего лишь предположение, – отмахнулся Шейх. – Давайте попытаемся разобраться. Рэмбо! У нас тут змееглазые. Подписаны.

Рэмбо среагировал на «подписаны» и спустя пару секунд с озабоченным видом принялся изучать надписи. Ну и рожа у него: за время злочелющений отросла жидкая черная борода, смоляные волосы спутались и поблекли, щеки сморщились от свежих розовых шрамов, а ведь еще молодой мужик. «На себя посмотри», – подумал Данила и глянул в зеркальное стекло. И правда, он ничем не лучше: борода моджахеда, весь грязный, будто пылью присыпанный, глаза ввалились, нос заострился. Попади он в Москву – патруль мгновенно остановит.

– О, как! – воскликнул Рэмбо и взлохматил космы.

– Чего? – Шейх с интересом уставился на маленьких уродцев в аквариуме.

– Похоже, или Улей одновременно осваивал две планеты, или их населяли разные виды гуманоидов.

– То есть корабль наш – захватчик со стажем, и эти виды гуманоидов истреблены, и матка не одна, их несметное множество, а взрывчатки, чтоб взорвать тут все к чертям, у нас нет...

В коридоре кто-то завозился, донеслись шаги. Маугли, оставленный на стреме, крикнул:
– Данила, скорее, скорее же!

Шейх метнулся за аквариум с уродами, Данила спрятался между двумя емкостями. Система безопасности бдит! Да и смысл прятаться? Все равно таким составом без оружия ничего не сделать, даже от роботов не отбиться.

Но Рэмбо, который видел, что происходит, рассеял его опасения:

– А-а-а, это ты!

Значит, ничего страшного. Астрахан покинул убежище и усмехнулся: их напугал Маугли. Мальчишка прямо танцевал от нетерпения. Наконец он выпалил:

– Она открыла глаза! – Лицо Маугли оставалось каменным, все эмоции он передавал жестами. – Она говорит!

Шейх вскинул бровь, Данила потрепал мальчишку по голове:

– Спасибо, сынок. Идем, посмотрим.

– Чудеса! – бросил в спину Шейх и обратился к Рэмбо: – Интересно, люди...

Данила свернул в коридор, и голоса стихли. Маугли мчался впереди, сверкали его голые пятки, испачканные инопланетной грязью. А вот и Марина: сидит, поджав ноги, вертит головой. Увидев Астрахана, она невольно пригладила рыжие кудряшки:

– Данила? Что со мной? Мне снился страшный сон...

– Все хорошо, – Данила протянул руку. – Держись. Вот так. Давай подниматься.

Девушка увидела свое отражение, огладила тунику:

– Что это на мне? Где моя одежда?

Астрахан не знал, чего от нее ожидать. Нынешняя Марина напоминала куклу, которая пытается изображать чувства, когда их на самом деле нет. Однако – чертовски обаятельную куколку!

– Без понятия, что тебе снилось, – Астрахан прижал ее к себе. – Но это, скорее всего, правда. Идем, нас ждут Алан Мансуров и Рэмбо, чье настоящее имя мне неизвестно.

Марина свела брови у переносицы:

– Мансуров – лысый казах, что ли? Ты с ним теперь заодно?

– Многое изменилось. Все люди теперь заодно.

– Мне снилось, – шептала она, следуя за Астраханом, – что я огромна и лечу сквозь звезды, то замедляясь, то ускоряясь. Чужие солнца, россыпи планет, туманности... Сначала со мной были мои дети, хамелеоны, потом они умерли, но остались странные существа, которых хамелеоны изучали. Многие чужаки были похожи на моих детей... Вообще-то я не хотела такой становиться, но стала из-за профессора Астрахана...

– Тс-с-с, главное, что ты невредима, с остальным разберемся. Стой тут.

Данила оставил Марину под аркой. Незачем девочке видеть мертвых чужаков, надо щадить ее чувства. Мысли Моменты, его стремления дали ростки в душе Данилы, он теперь лишь изредка выделял принадлежащие не ему чувства. Например, жалость эта – от Моменты, симпатия к хорошенькой девушке – тоже его, бабника. Момент не ведал страха даже пред ликом смерти, а опасность пробуждала в нем безрассудство, и Даниле хотелось поцеловать Марину, ущипнуть, облапить. Усмирив в себе Моменты, он провел по ее спине:

– Там пахнет смертью, подожди здесь.

– Вся моя жизнь – агония, – шепнула она, переступив порог. – Смерть – это я. Меня растили, чтобы открыть шлюз.

Рэмбо взглянул на нее вскользь и продолжил делиться с Шейхом предположениями. Марина наострила уши, подошла к ним и сказала:

– Почти так, – она провела по стеклу, за которым покоился ребенок, родившийся без ножек. – Гуманоиды в светлой комнате – родители этих. Я пыталась сделать их подобными моим мертвым детям, изучала, наблюдала. Все было хорошо, они менялись, делались такими.

Ребенок – неудачный эксперимент, я потом все исправила, и они стали рождаться полноценными. Но они не реагировали на Зов. Я пыталась снова и снова, но из этих гуманоидов не получалось то, что мне нужно. Если бы мои дети, хамелеоны, были живы, я просто уничтожила бы гуманоидов и сделала их родину пригодной для Роя. Но я сама не поняла, как вернуть моих детей к жизни, поэтому отправилась искать новый дом. И нашла.

Шейх вытаращил глаза и поскреб темя, поросшее седой щетиной:

– Постой-ка. Откуда ты это знаешь?

Девушка улыбнулась потусторонней улыбкой:

– По-моему, я знаю то же, что и Корабль. Я была им, а он забрал... или выжег часть моей души.

Шейх шагнул к ней, сжал кулаки. Отраженный аквариумом, двинулся его двойник, шевельнул губами:

– Что сейчас на Земле?

– Сейчас я – уже просто я, – Марина пожала плечами, вперившись в змееглазую девочку-подростка. – Улей позвал измененных, и они откликнулись. Большинство людей уже осознает себя частью Роя, хотя сохраняет память. Когда придет мать, люди как вид будут уничтожены.

Шейх попытался систематизировать полученные сведения:

– Что мы имеем. Сейчас вторжением руководит Корабль, он же Улей. Где-то в его недрах растет хамелеонья элита: матка и разумные особи. На земле измененные люди, в организмы которых попал биотин, услышали команду Улья – Зов, – и осознали себя частью Роя. Теперь они очищают Землю от людей.

Рэмбо приближался к Марине осторожно, по дуге. Остановился в двух метрах, будто она могла укусить, и спросил:

– То есть уже поздно что-то менять?

– Измененные еще слабы, в них мало от детей, и они подчиняются командам Улья, реагируют на Зов. Полностью осознать себя они должны, когда придет мать.

– То есть если заткнуть чертов корабль, – злобно сказал Шейх, – то они снова станут людьми?

– Да, если убить матку, Улей замолчит.

– Отлично! – возликовал Мансуров. – И у людей будет время, чтобы найти способ, как бороться с Улем! – он шагнул к Марине, сжал ее хрупкие плечи. – Может, ты знаешь, где искать матку?

– Знаю.

Данила с удивлением обнаружил в себе доселе незнакомое чувство – ревность, и отодвинул Шейха плечом:

– Отпусти ее, бро.

– Я проведу, где не так опасно, – все так же холодно ответила Марина. – Нам надо дальше.

Двинулись по коридору, не заглядывая в комнаты, подобные первой. В голове Данилы роились вопросы: кто доставлял людей сюда, кормил их, смотрел за ними? Рой к тому времени был уже мертв.

Ответ пришел сам собой: коридор влился в огромный ярко освещенный зал, заставленный всевозможными механизмами. В плоской стальной поверхности стола отражалось два манипулятора – многосуставчатых, отдаленно похожих на паучьи лапы. Казалось, что их не два, а четыре – хищный цветок, готовый рвать плоть. В стене, на полке за стеклом, в прозрачной зеленоватой жидкости хранилось множество насадок: что-то типа шприцов, пинцетов, какие-то подушки, зажимы и невероятное количество ножей. Данила про себя назвал стальную пластину с манипуляторами разделочным столом. Проходя мимо него, Марина поморщилась и вцепилась в руку Астрахана. Значит, предположения верны – она-то знала, что тут происходило.

Дальше на подставке стояла пластина, за которой размещался крепеж для манипуляторов. Их было четыре: два справа и слева.

На стену, что напротив манипуляторов, Данила предпочитал не смотреть: там в консерванте хранились фрагменты человеческих тел. Зачем это Улью? Он невольно повернулся: прямо напротив него в облаке белых волос плавала голова девушки: рот разинут в беззвучном крике, глаза открыты.

– С-суки! – процедил Данила и зашагал быстрее; в душе вскипала ненависть и рвалась наружу, но он сдерживался.

Тех детей в формалине хотя бы усыпили, а девушку-землянку что, живую резали? Спрашивать у Марины он не стал: она была Кораблем, его воспоминания, способные свести с ума любого, теперь ее. И заторможенность – защитная реакция. Она получила уникальный опыт тысячелетнего разума. Разум этот неопределенное время был замкнут на себя. Н-да... Бедная девочка!

Данила провел по ее волосам, она отстранилась, поглядывая по сторонам.

Ряд разделочных столов закончился. Опершись затылками на стену мутного стекла, замерли знакомые уже карлики с головогрудями и бледными лицами-масками. Круглые кукольные глаза были распахнуты, зрачки – сужены, руки с пухлыми пальчиками висели вдоль тел. Данила насчитал шесть роботов и заметил, что они не опираются затылками о стену, а будто приросли к ней – питаются.

Все в нерешительности замерли, думая об одном и том же: если пройти возле них, сработают сенсоры, они почуют чужаков, зрачки их расширятся, и в электронных мозгах активируется программа: «Убей». Шейх повернулся к Марине:

– Они опасны?

– Пока нет. Они здесь больше не нужны и деактивированы, – девушка пошла дальше, Маугли устремился за ней.

Роботы не ожили, так и стояли истуканами. За ними растопырили лапы-манипуляторы многорукие механизмы. Один робот напоминал гибрид паука и скорпиона: приборная панель на «голове», плоское черное тело, где скручены жгуты непонятного назначения, семь лап с сенсорными волосками, восьмая поднята, как скорпионий хвост. Дальше – тележка то ли на гусеницах, то ли на колесах, и тоже покрытая скрученными жгутами. Гусенично-колесный стол с железными манипуляторами наподобие птичьих лап...

Если все это великолепие оживет, тогда действительно хана. Воображение нарисовало паука-скорпиона: вот он заносит жало-манипулятор, с хрустом пробивает грудную клетку... Ну и фантазия у тебя, друг Момент!

Зал с роботами сузился, перетекая в коридор-«трубу». Слева и справа обнаружилось по арочному проходу. Марина остановилась:

– Тут лаборатория, но расчеты производились Улем, все приборы с реактивами встроены в стены. Там просто голые стены и всевозможные жгуты-манипуляторы и принимающие разъемы.

– Пыточная, – криво усмехнулся Данила.

– Взорвать тут все к чертям, – поддержал его Шейх. – И проклятый Улей заткнется.

– Подождите минуту, – Марина сморщила лоб. – Где-то здесь... нет, дальше – хранилище с оружием. Каждый манипулятор обладает минимальным интеллектом, а где есть интеллект, там возможны сбои. Они боялись собственных машин.

Марина шагала по коридору, Данила, сосредоточенно разглядывающий уродов за стеклом, притормозил: а вот и маленький ихтиандр, кожа сероватая, по телу пятна, как у Маугли. Рэмбо остановился рядом, прочел:

– Тупиковый вид, не слышит зов Улья, хотя является измененным. Вот эта девочка – тоже измененная, но не слышит Зов.

Маугли заинтересованно приник к стеклу, но Данила оттолкнул его.

– Так было поначалу с землянами, – сказала Марина на ходу. – Потом Улей разработал правильный состав биотина, и они начали меняться, как ему интересно. Я тоже бесполезная измененная.

Дальше были привычные прорезиненные стены, совершенно гладкие. Закончился коридор знакомой «монетой» и аркой, справа и слева от которой были по две железные, почти земные двери.

– Крематории, – с безразличием пояснила Марина, вернулась на пару шагов, провела по стене, распахнула дверцу и вынула обещанный излучатель. Он напоминал черную трубу, которая духовой инструмент. Снизу, там, где должен быть спусковой крючок, крепилась коробка – видимо, аккумулятор.

Данила принял оружие из рук девушки. Навскидку – килограмма полтора.

– В нее дудеть надо, что ли? – усмехнулся он и тут же нащупал рычажок-предохранитель и оранжевую кнопку. – А, понял.

– Излучатели. Их всего два, – сказала Марина. – Принцип действия такой же, как у поля, что выводит из строя приборы в Секторе.

Второй излучатель достался Шейху, он сразу разобрался, что к чему.

– Поищи, вдруг для Рэмбо барабан найдется или блины эти, как их, – пошутил Данила. – И будет у нас полноценный оркестр.

Марина ответила серьезно:

– Больше там ничего нет. Матку охраняют роботы, мы пройдем туда, без труда дезактивируем их и просто уничтожим яйцо. Улей будет ждать, пока не придет второй профессор Астрахан. Эту часть программы он нарушить не может, хотя сейчас, – она помотала головой и проговорила, не дожидаясь вопроса: – Мне кажется, что он забрал мою душу и очеловечился, а я...

– Тебе просто кажется, – сказал Шейх. – Веди к матке.

* * *

УАЗик остановили на трассе между двумя фурами, Росс надеялся, что сюда *они* не доберутся. С минуту молчали и разглядывали друг друга – сначала настороженно, а потом со все большей симпатией.

– А п-представьте, что мы последние выжившие, – затараторил рыжий сержант. – Эти все от голода передохнут, и все! И больше никого.

– Угу, весело нам будет без баб, – проворчал Кошкин. – А вообще мы в Питер собрались, к людям.

Разум Росса работал на холостых оборотах, потому что если задействовать мозг, можно сойти с ума. Посему следует думать, что все они выполняют квест, пройдут его – и кошмар закончится. Росс представился и сказал:

– Давайте знакомиться, что ли? Тебя как зовут, малой?

Парень вспыхнул, уши заалели, но его опередил Васильич:

– Кузя он. Кузьма то есть. Наградили имечком родители. Мы его Колей кличем. А я – Анатолий, можно просто – Васильич, – рука у него была влажная и горячая; Кошкина сержанты знали постольку-поскольку, пожали его граблю, покивали. Коля, коего Росс мысленно окрестил Рыжиком, спросил:

– А к-к-куда мы едем-то?

– Будь моя воля, я бы – в Мытищи, – ответил Васильич и мгновенно осунулся, постарел лет на десять, но вскоре взял себя в руки, почесал залысину и сказал по возможности бодро: –

А так в столицу, Питер то есть. Через весь город надо пилить, затем – Ржев, Псков, ну, и Питер. Как доберемся – без понятия, вокруг такой дурдом, что жуть!

– У нас же в-ездеход! Прорвемся! – воскликнул Рыжик и взъерошил огненные вихры.

А ниче так команда, подумал Росс, все ж не самому прорываться. Ментов, правда, он всегда ненавидел, эти же при ближайшем рассмотрении оказались вполне нормальными мужиками.

Взревел мотор, и УАЗ тронулся медленно-медленно, объезжая остановившиеся машины. Пару раз дорогу перегораживали фуры, и приходилось ехать дворами. Картина взору открывалась все та же: *они* рыскали по улицам в поисках уцелевших. Разрушая представление о киношных зомби, *они* не загрызали людей и не выедали у них мозг – просто связывали и куда-то утаскивали.

Каждый раз при виде такой процессии Росс и Кошкин хватались за оружие, но понимали, что если начнут отбивать людей, то зомби набросятся все толпой, и самим придется ноги уносить. Настораживало, что *они* разбились по группам: шесть медленных, которых Росс мысленно окрестил «шатунами», и один «плавный». Кошкин предположил, что «плавный» – вожак, такие группы наиболее опасны.

Васильич все больше грустнел и терял интерес к происходящему, хотя Рыжик перед ним чуть ли не с бубном плясал. Жил себе жил мужик, детишек растил, копил добро, вся жизнь у него вокруг этого вращалась. Мир рухнул и похоронил его под обломками. Росс не выдержал:

– Может, это какой-то эксперимент правительства? Ну, они так биомассой манипулируют? Скоро все закончится. Если само не закончится, не исключено, что это можно исправить.

– А мне кажется, – перекрывая шум мотора, кричал Рыжик, – что мы попали в компьютерную игрушку, и это все ненастоящее. Или просто вы мне снитесь.

– Так ложись и помирай, жди, когда проснешься, – сказал Кошкин, вынул сигарету из пачки, с тоской осмотрел лица попутчиков и сунул ее назад. – Слабо, да?

– Конечно, слабо, – кивнул Рыжик и выругался: – Ёшкин кот! Фура поперек дороги лежит, надо дворами объезжать.

Справа был бетонный забор, слева – стройка, заброшенная после появления Сектора. Петляя между машинами, Рыжик сдал назад, развернулся и поехал против движения. Игнорируя красный, свернули на перекресток.

Чуть дальше проезду мешала «свалка», Рыжик выругался и собрался поворачивать, но Кошкин указал вперед:

– Попробуй по обочине и вдоль строительного забора, так мы объедем фуру и вернемся на нужную дорогу.

Рыжик прислушался к совету и газанул. На обочине подвинул «шатуна» и направил машину в заросли сирени. Ветви хлестнули по лобовому, заскрежетали по кузову, под колесами захрустел строительный мусор и проржавевшая жесть забора, оторванная ветром.

Их тут не было. Росс полагал, что *они* предпочитают более людные места – охотятся на уцелевших. А вот почему людей не убивают, а куда-то утаскивают, он не мог даже предположить. Откладывают в них личинок? Вялят?..

УАЗ трянуло так, что Росс едва не пробил головой потолок. Кошкин выругался, вцепившись в сиденье.

– Твою же ж мать! – воскликнул Рыжик. – Яму поймали! Ща попробуем выехать.

Машина, уткнувшись мордой в землю, взревела, из-под колес брызнула грязь, камешки и ошметки травы. УАЗик качнулся, приподнял капот, но съехал в яму еще ниже.

Рыжик выскочил и хлопнул дверцей так, что машина едва не развалилась, Росс аж вздрогнул.

– Вот уроды! – донеслось с улицы. – Тут та-а-кая яма, что писец. Чудо, что совсем не упали. И почва, собака, глинистая, влажная.

Росс приподнялся и выглянул в открытое окошко над дверцей: Рыжик сидел на корточках и чесал макушку.

– Че там? – Васильич распахнул дверцу, сел рядом и присвистнул. – Хворостом яму завалило, вот и не заметили.

Кошкин засуетился, достал домкрат и протянул Васильичу. Росс вылез из салона, оценил масштабы попадания и подставил лицо солнечным лучам.

Ласковое тепло, ветер, теребящий пряди волос, пронзительная тишина, пахнущая травой. И он, Росс, в центре этого мира – легкие расширяются при каждом вдохе, сердце гонит кровь по сосудам. Впервые он ощутил себя по-настоящему живым и осознал, до чего же просто это потерять.

Рядом с ним дышали, думали еще три человека, каждый в центре своего мира, а там, за ржавым забором – Москва, населенная ходячими мертвецами. И наверное, никто из этих троих не ощущает, что такое – быть живым.

Отогнав странные мысли, Росс сказал:

– Коля, ты иди за руль, а мы со следователем и Васильичем попытаемся вытолкнуть машину. По-моему, домкрат тут не поможет.

– Парень прав, – вздохнул Васильич, кряхтя, выпрямил спину и вытер руки о штаны.

Рыжик сел за руль, Кошкин двинулся вперед, наступил на хворост и с хрустом провалился в яму по пояс. Хлюпнуло. Он скривился:

– Тут вода... Но что уж делать.

УАЗ въехал в яму передним колесом и лег на пузо. Надо было поднять его и осторожно, чтобы почва не осыпалась и он не сполз полностью, вытолкнуть. Росс обошел машину, уперся в бампер возле фары, поудобнее расставил ноги и замер, ожидая команду. Было жутко неудобно: не вытянуться, не упереться как следует, Кошкину и то удобнее.

Васильичу места возле бампера не осталось, в яму он не хотел и ходил вокруг, бормоча:

– Эх, трактор бы, чтобы дернуть!

Он закричал сбоку, Росс видел только ноги в лаковых ботинках, черные брюки и белые носки.

– Газу, Коля, газу!

Взревел двигатель, закрутились колеса – Росс уперся в бампер изо всех сил, отворачиваясь от летящей в лицо грязи. Машину начало кренить в сторону колдобины, вторым колесом она прочертила колею.

Рыжик заглушил мотор. Росс сел на траву, размазал грязь по щекам и задумался о том, что же за сила заставляет их с остервенением толкать машину, полностью отдаваясь по сути бесполезному труду. Ведь можно пересесть на любой другой брошенный автомобиль. На самом деле все просто: труд не только облагораживает человека, но и отвлекает от реальности. Появилась цель – вытолкать машину, и все силы теперь брошены на это, ведь выжить – это не цель, а просто отсрочка. Мир кончился. Несправедливый, тухлый мир, основа которого – инфантильные, презираемые тобой тупицы. И вдруг оказалось, что ты тоже часть этого мира, тоже деталь, просто выполняющая другую функцию. И что ты теперь будешь делать, такой талантливый и энергичный? Кого спасти? Кого куда вести?

– Ну что, последняя попытка, и будем искать другой транспорт? – крикнул Рыжик из салона.

– Да лучше сразу, не вытаскиваем мы его, – ответил Росс и смолк с раскрытым ртом, увидев на пустыре девочку лет семи-деяти.

Гротескно-апокалиптическая картина: бетонированная площадка пустыря, где ржавые прутья арматуры выше чахлах кустиков, среди почерневших замшелых плит – обычная девочка в розовом платье, рыжие волосы рассыпаны по плечам, огромный бант, светлые

гольфы, коленки обильно смазаны зеленкой. Девочка смотрела вполне осмысленно, без страха. Словно пыталась понять, свои перед ней или чужие.

– Да ладно, по-последний раз, – трещал Рыжик. – Я к этому зверю душой прикипел...

– Тише ты! – шепнул Васильич, раскинул руки и направился к девочке: – Малышка! Как ты уцелела? Не бойся, мы нормальные, иди сюда!

Он сел на корточки, будто собрался приманивать щенка. Девочка продолжала смотреть настороженно. Или не настороженность это – равнодушие, отчужденность. Что-то, заставляющее волосы вставать дыбом, а сердце – биться чаще.

Кошкин первым сообразил, в чем дело, выбрался из ямы, с головы до ног забрызганный грязью и шикнул:

– Не вздумай к ней идти! Она из *этих*.

Обалдевший Рыжик вылез из салона, глянул на Васильча, все еще сидящего на корточках, на Кошкина, снова и снова вытирающего руки о джинсы, и пробормотал:

– А чего она... Глаза-то, глаза... Она все понимает.

– Вот это и хреново, – заключил Росс. – Что некоторые из них соображают не только, что мы – враги, но и знают, как нас проще прикончить.

– А вдруг все-таки человек? – с надеждой спросил Васильич.

– Сейчас проверим, – Росс вскинул автомат, целясь в ребенка. – Как тебя зовут? Если не скажешь, я выстрелю. Считаю до пяти: и раз, и два, и три...

Отвечать девочка не стала: разинула рот в безмолвном крике и метнулась к нагромождению плит. Р-раз, и нет ее.

– Вот что, ребяташки, – прошептал Васильич. – Сваливать надо, пока она своих не позвала.

Россу, отделенному от остальных тушей УАЗика, уже были видны силуэты, движущиеся по следам шин. *Они* шли цепью, загораживая тех, кто позади, но Росс знал: их шестеро, а девчонка – мозговой центр, вожак. Те, что нападали в ментовке, были безмозглыми, эти вполне организовались, и неизвестно, как себя поведут.

– Валим, – проговорил Росс. – Гляньте, вон они идут.

Рыжик сделался синевато-зеленым и попятился. Кошкин сплюнул и схватился за «макарова». Васильич осунулся и погрузился, заметив:

– Это не ходячие мертвецы, а что-то другое.

– Разбираться будем позже и не здесь, – скомандовал Росс. – Сейчас – валим. Нам в Питер надо, там наверняка уже знают, что к чему. Бежим вдоль забора вперед, на дороге садимся в удобную машину и едем дальше. Ходу!

Росс несясь первым, ломился сквозь кусты, спотыкался на строительном мусоре, а здравый смысл твердил, что правильнее было пристрелить девочку, лишит «шатунов» мозгового центра. Но чем бы ни была рыжая школьница, совесть, человечность или что оно на самом деле, не позволила нажать на спусковой крючок, не допустила даже мысли, что надо убивать ребенка. Теперь же Росс убеждал себя, что пора забыть о детях, беременных женщинах и старушках-одуванчиках. Их больше нет. Есть злобные твари непонятного происхождения, их нельзя жалеть: или они нас, или мы – их.

Расстановка сил пока не была ясна: здесь выиграла *они*, а в Питере – люди. Значит, не все еще потеряно, и неизвестно, что творится во всем мире. Главное – в столицу попасть, сохранить свою задницу, ну, и задницы попутчиков, конечно.

Лишившись маломальской защиты – кузова машины, Росс ощущал себя голым. Сами по себе зомби казались безобидными: укушенный Васильич не уподобился им, людей *они* не убивали, двигались медленно, нападали бестолково, а вот организованные группы ему не нравились. Неизвестно, что будут делать *они*, управляемые разумным существом.

Кусты впереди начали редеть, и Росс разглядел однополоску, практически свободную от машин, за которой начиналась наполовину заброшенная промзона – всевозможные склады, автосервисы, мелкие заводы. Над ржавой жестью крыш возвышался единственный жилой дом.

Забор закончился, когда до дороги осталось с десятков метров. Росс приметил джип с распахнутыми дверцами, припаркованный в «девятку», уже устремился к нему, но сбавил скорость и схватился за автомат: со всех сторон наперерез спешили *они*, причем двигались не шатающейся толпой, а вполне сработанными командами. Две группы заходили с севера, по одной – с каждой стороны дороги. Росс безошибочно выделил лидеров. Держались они чуть в стороне от своих групп и не бежали – плыли, танцуя. Будто змея извивается под флейту: то вскинется, то замедлится, то замрет, движения сменяются так быстро, что видны лишь мелькающие кольца. Завораживающее зрелище, если не помнить, что замешательство смерти подобно.

Росс рванул к машине, плюхнулся на водительское кресло, разбил панель управления и выдрал переплетающиеся проводки. Сержанты заняли заднее сиденье, Кошкин сел рядом с Россом, хлопнул дверцей и прокомментировал:

– Ох, побеседовал бы я с тобой, попадись ты мне при других обстоятельствах.

Росс соединил проводки – мотор завелся. Одновременно шесть зомби вцепились в дверные ручки. Их вожак – молодой мужчина в очках, серый, похожий на ботана, стоял в стороне и прозревал неведомые дали. «Шатуны», кривляясь и пуская слюну, принялись тарабанить по стеклам. Не дожидаясь, пока к ним подоспеет помощь, Росс выжал газ, расшвыривая вторую группу – преимущественно симпатичных девчонок.

Кошкин открыл окно и приготовился стрелять, но Росс крикнул:

– Патроны беречь!

Выруливая на однополоску, он встретился взглядом с вожаком одной из групп, крашеной брюнеткой лет пятнадцати с размазанной по всему лицу алой помадой и черными кругами от туши. Казалось, даже время замедлилось, во вселенной существовали лишь Росс и она. Точнее, оно. Оно не смотрело на машину – словно вбирало ее расфокусированным взглядом.

Будто по команде, все зомби замерли и повернули головы: их глаза напоминали объективы камер. Руки Росса взмокли, он выкрутил баранку, выезжая на трехполосную улицу Широкую. Взвизгнули тормоза, машину повело. Джип протаранил синюю легковушку на низкой посадке, выровнялся и рванул против движения – морды брошенных машин неслись навстречу, будто кто-то выключил время. Росс подсознательно опасался, что стоит кому-то нажать на кнопку «Пуск», и все они ринутся навстречу.

– А че это з-за зверюга? – поинтересовался Рыжик.

– Хрен ее знает, «китаец» какой-то, – ответил Росс; он сосредоточился на дороге, петляя между застывшими машинами.

На внедорожнике хорошо по обочинам и клумбам гарцевать, а вот маневренность у него паршивая – приходится «свалки» таранить. Спасибо хозяину, что силовой бампер поставил. Вскоре пригодилась «внедорожность» – дорогу перекрыл перевернувшийся КамАЗ. Он лежал на обочине колесами вперед, осыпанный стеклами разбитого ларька, а щебень засыпал дорогу вместе со сплюсненными в блин легковушками.

Пришлось выруливать на тротуар и объезжать, чуть не прижимаясь к длинному жилому дому. Хрустели кусты сирени, стремились ухватить за кузов, остановить. На *них* Росс предпочитал не смотреть. Просто силуэты. *Они* не могут причинить вреда. Пока.

В стекло ударил мелкий камень, а потом камни и подручные предметы посыпались градом. В десятке сантиметров грохнулся телевизор, Кошкин подпрыгнул и заорал:

– Газуй, газуй! *Они* с балконов бомбят!

Но Росс и без него догадался: надо отъехать подальше от жилого дома. Что-то с диким грохотом долбануло по крыше – она аж прогнулась. На лобовое брызнули осколки глиняной

вазы, перемешанные с комьями земли – зомби швырнули здоровенный фикус. Росс резко затормозил, сбрасывая его, и газанул вперед.

Камни продолжали сыпаться, в ход пошли бутылки, туфли, доски. В боковое окно напротив Кошкина прилетел обломок кирпича – стекло выдержало, но покрылось трещинами и помутнело.

– Лобовуху береги! – надрывался Рыжик. – Повор-рачивай! Да вправо, вправо лучше!

– Заткнись, не мешай! – крикнул Росс, выруливая на трассу.

Зомби бросились наперерез машине и принялись лупить ее палками. Кошкин вцепился в ПМ, его и без того тонкие губы превратились в нитку, жилы на шее вздулись.

Атака прекратилась будто по команде, все враги замерли. Теперь они просто смотрели, провожали машину взглядами.

Сначала Росс не поверил своим глазам: навстречу его машине несли «Хаммер». Несся вполне целенаправленно, значит, внутри – люди.

Автомобили затормозили в паре метров друг от друга. Кошкин опустил стекло и прицелился в предполагаемого врага.

Из «Хаммера» никто не выходил, зато точно так же опустилось боковое стекло, и оттуда донесся приятный баритон с легким кавказским акцентом:

– Представьтесь.

Сердце Росса от счастья пропустило несколько ударов, он представился, и кавказец сказал:

– Я известен как Дон, это мои люди. Что происходит?

– Некогда трепаться, *они* сейчас нападут, – проговорил Росс. – По внутренней ментовской связи поступило распоряжение бежать в Питер, там все под контролем. Мы едем туда, и вам советуем.

Росс не знал, развернулся ли «Хаммер», но возрадовался, когда увидел его в зеркале заднего вида. Надо же, сам Тихий Дон, известнейший криминальный авторитет! Разве что младенцы и монахини не слышали о нем. Вместе легче отбиваться, да и у Дона наверняка полно стволов.

– Через центр ехать не надо, – посоветовал Рыжик. – Представляете, сколько там *их*?

– Ясен пень. Молчи, не отвлекай водителя, – пытался его успокоить Василийч.

За перекрестком началась промзона, трасса опустела, и рулить стало полегче, Росс даже расслабился. Зомби тоже притихли, они больше не бросались – замирали, провожая машину взглядами, почему-то именно здесь их было особенно много, как на демонстрации. Наверное, что-то замыслили. Росс даже не насторожился, когда заметил на пути фигурку в голубом. Женщина, нет, девушка. И ведь знает, что делает: если ехать, то только по ней, с одной стороны от нее – микроавтобус и какие-то контейнеры, с другой – перевернутая фура. Прицеп, крытый брезентом, оторвало и протащило по дороге, рассыпав ярко-желтые ящики с пивом. Стекланные бутылки разбились, пластиковые уцелели.

«Вот и на нашей улице перевернулся грузовик с пивом, – подумал Росс. – Но ни фиги не радостно. Ничего, у нас силовой бампер. Хрясь, и все».

– Останови машину! – приказал Василийч дрогнувшим голосом.

Росс повернул руль, чтобы вписаться в узкий проезд, и уже приготовился к хрусту бутылок под колесами.

– Останови! Это Катенька!

Росс нащупал педаль газа, и вдруг Кошкин схватился за голову и начал оседать. Василийч взял шею Росса в захват и принялся его душить. Росс руль не выпустил, он понимал, что главное сейчас – удержать управление. Позади верещал Рыжик, пытался оттащить Василича.

Росс смотрел на дорогу, прямо на худенькую девушку в голубом, а перед глазами неумолимо темнело.

Не отпускать руль! Иначе машина врежется в микроавтобус!

Что было дальше, Росс помнил смутно, он почти потерял сознание. Удар, хруст, скрежет, ремни безопасности впились в грудь, вышибая дух. Васильич наконец отпустил его шею. Громко и отчаянно матерился Кошкин, орал Рыжик.

Зрение постепенно восстанавливалось, будто кто-то крутил кнопку, прибавляя света и яркости. Пузырь подушки безопасности упирался в лицо и мешал дышать – Росс попытался от него избавиться, пока безуспешно; рядом кряхтел Кошкин, вдавленный в кресло таким же пузырем. Позади рыдал Васильич.

– Мужики, я ща ее но-ножичком, подушку эту, по-пождите! – кричал Рыжик. Молодец пацан!

Подушка безопасности начала с шипением сдуваться Росс освободился от ремней и вывалился на помятую дверцу – машина лежала на боку. Кошкин едва не наступил на него, подтягиваясь на руках, вылетел на улицу.

– Это дочь моя, Катенька, я не мог! – рыдал Васильич.

– Твоя ж... – ругнулся Кошкин. – Писец нам всем. Быстро вылезаем и – спина к спине.

На заднем сиденье завозился Рыжик.

– Ой, ма-ма-ма... Го-господи, Иисусе, помилуй мя, грешного! Отче наш, еже еси на не-не-небеси...

Росс схватил автомат, подтянулся и вылез. Хрустнули осколки бутылок, хлюпнула пыль, замешанная на пиве. Похоже, пора прощаться с жизнью: зомби обступали плотным кольцом, были их десятки, если не сотни. Глаза-объективы, лица-маски. Значит, они устроили засаду. Но откуда знали, куда едет джип? Как вычислили, что Васильич тут? Как узнали, кто его дочь?

Кошкин принялся стрелять из «макарова», но зомби не разомкнули кольца. Вылез Васильич, принялся остервенело поливать их свинцом и приговаривать:

– Танком! Давить вас, сук, танком!

Прижимающийся к спине Рыжик дрожал и не молился уже – скулил. Росс заметил в руках у некоторых зомби палки и арматуру. Если стрелять, куда и Васильич, враг рано или поздно дрогнет. Это единственная надежда.

Кольцо постепенно смыкалось – сейчас зомби от людей отделяло метров тридцать. Только вот смыкалось оно непозволительно медленно. Или это время помогало людям и замедлило бег?

Странные мысли лезут в голову перед смертью, отметил Росс, с нездоровым азартом вставляющий в магазин последние патроны. Когда они закончатся, он будет до последнего бить нелюдей – проламывать прикладом их черепа, сворачивать шеи, если надо – рвать зубами горла. Вот, что движет солдатами, бросающимися с гранатами под танк: у них просто отключен страх. Кошкин сжимал две битые бутылки и плотоядно улыбался.

Одуряюще пахло разлитым пивом.

Люди невольно отступили к покалеченному джипу, лежащему на боку, – хоть какой-то, да защите; Росс вжался спиной в днище. Зомби тем временем все шли: обтекали микроавтобус и контейнеры, толпились между ним и фурой там, где сломанной куклой валялась дочь Васильича. Толпа колыхалась однородной массой и не издавала ни звука, лишь хрустело под их ногами битое стекло.

Щелчок – все, магазин пуст. Гранату бы! А лучше – парочку.

Строй зомби между фурой и микроавтобусом дрогнул, и они начали разлетаться кеглями. «Хаммер»! Армяне, которых Росс людьми не считал, на службе человечества!

Застрочило что-то покрупнее автомата. «Хаммер» раскидал зомби, размазал их по асфальту толстым слоем, смешал с пивом и протаранил кольцо зомби с другой стороны. И тут

зомби, видимо, поступила команда – они бросились на людей. Но прорваться могли только те, что были возле фуры, за джипом и недалеко от него: остальным путь отрезал «Хаммер», который носился вперед-назад, визжа тормозами на разворотах, разбрызгивая стекла, пиво и ошметки человеческой плоти.

Отбиваясь прикладом от тянущихся рук, Росс наблюдал за «Хаммером»: у армян был, похоже, раритетный пулемет «Максим» в рабочем состоянии, стреляли из него.

– Держитесь, мужики! – крикнули из «Хаммера». – Едем к вам.

Все-таки зомби плохо управляли своими телами: били палками и промахивались, перемешались неуклюже, но зато вполне могли задавить массой.

– Отступаем к «Хаммеру», – скомандовал Росс.

Росс двигался приставным шагом, вилял из стороны в сторону. Когда зомби выстраивались в линию – хватал первого и швырял в позади идущих, а сам делал рывок. Боковым зрением он наблюдал за ментами: пока им удавалось отбиваться, причем успешнее всего – Кошкину (он пользовался той же тактикой).

– Мужики! Стоять на месте! – закричали из «Хаммера», и сквозь грохот пулемета прорвался рев мотора.

Зомби замерли и попятились – не захотели быть раздавленными, зато в Росса полетели пивные бутылки – и битые, и целые. Спрятаться за «Хаммер», думал он, защищая голову. Внутренности зомби под ногами, перемешанные с бутылочными осколками, он старался не замечать.

В бок ударило пластиковой литрушкой, он зашипел, острым краем стеклянной бутылки оцарапало предплечье. Справа от Росса отступал Кошкин и Васильич, Рыжик отставал, пятился, пятился и вдруг дернулся. Из его шеи сзади вылез алый прут арматуры. Медленно-медленно парнишка развернулся. На его побледневшем лице застыл немой вопрос: «За что?» Он ощупывал прут и продолжал шептать молитву.

– Колька, твою ж мать!!! – заорал Васильич. – Колька!!!

Росс уперся спиной в нагретую солнцем сталь «Хаммера». В машине выматерились, кто-то сердобольный выстрелил Рыжику в голову, и он упал, так и не закрыв навеки удивленные глаза.

– Колька!!! – продолжал истерить Васильич, Котов заткнул его ударом в плечо.

Одна бутылка со звоном разбилась о «Хаммер», заливая его пивом, вторую, пластиковую, Росс поймал на лету, запрыгнул на ступеньку и с трудом втиснулся в салон, битком набитый людьми. Это были в основном русские – женщины, мужчины и даже дети – Дон организовал своеобразный ковчег. Люди скорчились, плотно прижавшись друг к другу, всех было не разглядеть. На Россе, забрызганном кровью и грязью, зажмурившись, буквально лежала низенькая русоволосая девушка. Духота стояла такая, что он мгновенно взмок.

– Менты, вы тут? – крикнул он.

– Тут, – ответил Кошкин. – Висим. Я и Васильич.

Уняв сердцебиение и дрожь, Росс закрыл глаза, но память отказывалась стирать Кузю, которого все называли Колей: мальчишка совсем, рот разинут, глаза распахнуты. В мирное время его могли бы спасти, если, не вынимая штырь, доставить его в хорошую клинику. Такие операции даже в прошлом веке делали.

В сложившихся же условиях самое гуманное для него – быстрая смерть, пока он ничего не понял. Он ведь так, со штырем в горле, может жить и час, и два, и даже дольше.

Дон, сидящий где-то впереди, проговорил:

– Мужики, вы можете за себя постоять, так что мы вас высаживаем возле ближайшей нормальной тачки. Как видите, у нас тут тесно, к тому же вы жутко воняете.

Росс поймал себя на подленьких мыслях, что здорово было бы остаться здесь, с людьми, под защитой пулемета «Максим», никуда не бежать, не прикрывать задницу...

Поворот – и девушку прижало к Россу, она ткнулась лицом в грязь на его рубаше и прохрипела:

– О, господи...

– Пива хочешь? – улыбнулся он. – Настоящего, холодного пива? У меня есть.

Не дожидаясь ответа, он по стеночке поднял руку с пивом, девушка посветлела лицом, сглотнула, потянулась к бутылке. Над ее верхней губой дрожали капельки пота. Теперь она обнимала Росса. Взяла пиво и принялась жадно пить из горлышка.

«Хаммер» затормозил, и девушка поперхнулась. То ли Дон, то ли его помощник сказал:

– На выход, ребята. Тут машинка хорошая нарисовалась.

– Ну вот, – Росс распахнул дверцу, отобрал бутылку, сделал несколько глотков и вернул девушке. – Только жениться собрался. Красавица, встретимся в Питере, меня зовут Росс.

Не дожидаясь ответа, он спрыгнул и огляделся: с места побоища «Хаммер» уехал недалеко, вокруг все та же промзона и гаражи, но здесь зомби было мало, и они не нападали – просто стояли и смотрели. А еще дул ветер и было легко дышать.

– И на чем нам ехать? – спросил Кошкин, потягиваясь.

Картина была привычная: остановившиеся машины. За выстроившимися в рядок легковушками возвышался тягач Kenworth T800 – огромный, со спальным местом, настоящий дом на колесах. Дверца распахнута – заходите и живите. Кошкин, посекундно оборачиваясь, взобрался на лесенку со стороны водительского сиденья и присвистнул:

– Даже ключи на месте. Офигеть!

В кабине запросто помещались три человека. Ко всему безразличного Васильича посадили в середину, Росс уселся за руль, Кошкин скомандовал:

– Трогай. Постараемся догнать «Хаммер». Теперь мы их крышевать будем.

* * *

Янин коттедж находился в довольно странном месте: сразу за промзоной, где раньше были гаражи. До появления Сектора за эту территорию велась настоящая война, даже чуть не пристрелили депутата, ответственного за дерибан. В итоге землю отвели под частные застройки, и Янину отцу перепало двенадцать соток. Довольный землевладелец тотчас начал строить коттедж, Яна отлично помнила, как они переезжали, хотя лет ей было совсем мало. Года не прожили, как Сектор возник. Соседи бросили недострои, по дешевке продали участки и сбежали в Питер. Преуспевающий адвокат Иван Венин не поддавался на уговоры жены и свой дом не бросил, потому что от мечты не отрекаются.

Свернув с улицы Широкой, Яна сбавила скорость до двадцати километров в час. Чем ближе она подъезжала к дому, тем громче кровь пульсировала в висках. Ладони взмокли, во рту пересохло.

Вот синие ворота узбеков – Кетмамбетовых, вроде. Напротив – «скворечник» Дядьваси, трехэтажный гараж, затем – ржавый жестяной забор, за которым – каркас недостроенного дворца. Еще три дома, и родные кованые ворота, видеокамеры, собаки, сторож Костик с дробовиком и двухметровые кирпичные стены с колючей проволокой, пущенной поверху.

Пусть с родителями все будет хорошо! И с Димкой – он хоть и хомяк, но родной, и не совсем у него все потеряно, он просто мелкий...

– Ты чего так медленно ползешь? – нервничал Юрка. – Тут их нет, но это пока. Ща как набегут!

Яна не обращала на него внимания, она сосредоточилась на цели. Вон две ели у ворот и въезд. Если ворота закрыты, значит, все хорошо. Вроде заперты. Господи, спасибо!

«Джимми» съехал на обочину и чуть не ткнулся в огромные черные ворота с художественной ковкой – лисицей, тянущейся к черным виноградным гроздьям. Яна выскочила из

машины, положила палец на кнопку звонка и уставилась в камеру. Юрка топтался поодаль, глядя на дорогу. Домофон молчал, охранник не спешил открывать ворота.

Капля пота скатилась от виска к губе. Яна ее слизнула и, не оборачиваясь, спросила у Юры:

– Что там?

– Чисто вроде.

– Ну что же вы! – палец продолжал насиловать кнопку, но домофон по-прежнему молчал.

– Яна... Ян, – проговорил Юрка таким голосом, что Яну прошиб холодный пот и палец соскользнул с кнопки. Она опустила плечи и замерла, потому что боялась оборачиваться. Юра продолжил: – Посмотри, калитка... она открыта, по-моему.

Нет! Зажмуриться. Не видеть! Он ошибся, это неправда! Ущипнуть себя за руку, вот так, проснуться и убедиться, что это сон, просто кошмар. Юра обнял за плечи и поцеловал в шею.

– Любимая, успокойся. Давай войдем внутрь и посмотрим. Может, все не так плохо. По крайней мере, отсидимся там, дождемся МЧС, военных... кто-то ведь должен прийти и помочь.

– Осторожно, там собаки, три питбуля, – проговорила Яна, не открывая глаз. – Они не привязаны. Ой... мы Штучку в лесу забыли, – она обняла парня, прижалась.

– Малыш, возьми себя в руки. Все хорошо. Открывай калитку и умирай собак, а то они меня разорвут.

Яна мотнула головой. Пока она здесь, от правды ее отделяет несколько десятков метров, и жива надежда. Но нельзя вечно жить в неведении.

– Если прикажу, не тронут, – пересилив страх, Яна разлепила веки и толкнула калитку.

Взору открылась мощеная плиткой дорожка и часть клумбы, где желтели розы. Мама обожала розы, каждый куст по имени знала и оплакивала, если он погибал. Собравшись с силами, Яна переступила порог и позвала собак:

– Сэр, Мистер, Сударь!

Псы не отреагировали на зов. Дом стоял в конце участка, возвышался над желто-красно-розовыми клумбами, блестел солнечными батареями на крыше. К нему нужно было пройти через благоухающий сад. Юрка никогда тут не был и замер от восхищения. В голове Яны крутилось «ты дарила мне розы, розы пахли полынью». Яна с трудом переставляла ноги, а песня все продолжала звучать.

Вот качели под пальмами. Зимой пальмы живут дома, на лестничных пролетах, летом переключаются во двор, качели – в гараж. Вот тренажеры под навесом из поликарбоната. С осени до июня они отправляются в спортзал на третий этаж, папа говорит, что на воздухе заниматься приятнее, и это правда. Вот груша и манекен для отработки ударов. На его голову Яна приклеила портрет Арины, бывшей Юркиной девушки. Обычно он приходил в негодность за три тренировки, сейчас там было обновленное и вполне узнаваемое фото: глазки стеклянные, рожа тупая, губы рабочие, патлы перегидрольные, заколочки розовенькие. Вот так посмотришь, и сразу видно: овца, тварь бесполезная, так и ищет, к кому присосаться. Юрка ей комнату снимал неподалеку. Теперь ей нового спонсора искать придется... Яна подумала, да и заехала по голове манекена ногой с разворота.

Из-за бордюра торчали вытянутые ноги белого Сударя. Спит, что ли, в тени?

– Сударь?

Пес не шелохнулся, но заскулил и тявкнул. Сердце Яны сжалось, она зашагала вперед. Обогнула клумбу... О господи!

Псы были мертвы. Все, кроме тигрового Мистера. Им размозжили головы битой, а Мистеру перебили позвоночник – на спине вспух багровый кровоподтек. Верный пес скулил и полз к хозяйке на передних лапах. Яна бросилась к нему, обняла, села, положила его голову на колени и прошептала:

– Кто это сделал, Мистер? Кто?!

Она знала ответ: тот, кому собаки доверяли. Чужака они не подпустили бы, атаковали стаей и разорвали, хозяину же позволяли делать с собой все, что угодно. Он хладнокровно их убивал, а они не смели ответить.

Но почему? За что?!

Юра положил руки на вздрагивающие Янины плечи и прошептал:

– Успокойся. Пойдем в дом.

– А он... ему помочь надо. Я его не брошу.

– Он никогда не сможет ходить, а нам надо выбираться... Вставай.

Яна переступила порог дома, отмечая, что входная дверь распахнута. Уже зная, что в доме пусто, Яна на автомате прошла в столовую и рухнула на диван лицом вниз. Слез не было, но тело скручивали судороги рыданий.

– Кто-нибудь есть живой? – крикнул Юра.

В ответ на втором этаже что-то грохнуло, Яна вскочила с дивана и рванула по лестнице вверх.

Не раскисать! Взять себя в руки! Рыдать и оплакивать родителей – потом.

Девушка хотела позвать маму или брата, но горло свело спазмом, и она лишь прохрипела. Откашлялась и повторила попытку, но получилось совсем тихо и сипло:

– Кто выжил? Отзовитесь?

Замычали в Димкиной спальне. Согрела мысль о том, что зомби не убивают выживших.

В спальне царил идеальный порядок: все вещи по полочкам, пыль вытерта, на столе хрипит радио, только вот половик скомкан и шприц откуда-то взялся. Яна подняла его: осталось несколько делений бурой жидкости. Что это? Кровь?

– Брат? – позвала она шепотом.

В дверь шкафа-купе ударили и снова замычали. Яна отодвинула дверцу, и на пол выпал спеленатый простынею и связанный Димка. Из его рта торчал кусок вафельного полотенца, братец вращал выпученными глазами. Отстегнув от пояса тесак, Яна разрезала веревки.

Освободившись, Димка вырвал кляп изо рта и принялся мерить шагами комнату. Яна так и стояла с ножом, слова застряли в горле. Брат пытался что-то сказать, но не смог, лишь хрипел и дергал кадыком. Немного отойдя, схватил себя за осветленные, канареечно-желтые волосы, поставленные ежиком, потом взял бутылку минералки со стола, присосался к горлышку.

К этому времени подоспел Юра, стал в проеме двери и спросил равнодушным голосом:

– Что тут случилось?

– Отец сошел с ума, – просипел Димка, откашлялся, но голос у него так и не появился. – Уколол мне что-то в задницу, потом связал, короче. И в шкаф. Мать куда-то подевалась, она хоть жива? И ваше, что происходит, что такое по радио трындели?

Братец напоминал цыпленка, сбежавшего от кота, – желтоволосый, всклокоченный, возмущенный, бритый затылок и виски не круто смотрятся, а как проплешины, полученные в боях. Бежевые штаны болтаются парусами, в «рваной» футболке просвечивает розовая кожа безволосой груди, и не спасают кубики пресса – Димка тренажерами не пренебрегал. Цыпленок, он и есть цыпленок – на крыльях перья выросли, а само малое и дурное.

– Зомби-апокалипсис грядет, – безразлично сказал Юрка. – А что говорили по радио?

Димка громко икнул и прошептал:

– Ты че прикалываешься? Какие на фиг зомби?

– По радио что? – Яна опустила в компьютерное кресло и подперла голову руками. Выбившиеся из хвоста черные пряди свесились до стола и свернулись кольцами на бумажном листе.

– Да че-то музон пропал, а потом военные типа частоту заняли и типа: «Всем выжившим – в Питер, где все под контролем». Так че творится-то? Учения?

– Надо ехать в Питер, – уронил враз погрузневший Юрка, посмотрел на свой мобильный и шмякнул его о стену – телефон развалился на две стянутые проводами части. – У меня родители в Туле. Не могу дозвониться – связи нет, и городской молчит. И у меня ж еще... Друзья! Я не могу просто так взять и уехать!

Яна покосилась на него и промолчала.

– Что отец мне в зад колот? – не унимался малой. – Зачем? Почему нам надо в Питер? Че вы такие перекошенные? Че ваще творится? Где мама?

Яна рассмеялась и встала. Собрав ошметки воли, она проговорила:

– Отставить вопросы. Дима, просто слушай меня. Ты знаешь код отцовского сейфа?

Малой вытарашил зеленые глазки и помотал головой.

– Чего и следовало ожидать, – продолжила Яна. – Там пистолет, он нам понадобится. Ладно. Они все равно вряд ли сдохнут от пули. О, придумала!

Под удивленные взгляды парней Яна выскочила и рванула на третий этаж, в кабинет отца, где на стенах красовалось коллекционное оружие. Взобралась на рабочий стол красного дерева, раскидывая подставки дареных ручек, и сняла любимую саблю отца – французскую, 1812 года. Вынула из ножен, осмотрела: клинок острый, сойдет. Юрке и Димке она сняла по ятагану. Прости, отец, но суждено твоим приобретениям повоевать еще немного...

Юрка понял ее намерение без слов, взял ятаган, второй передал недоумевающему Димке и объяснил:

– Сейчас мы выйдем из дома, и если на тебя будут нападать – руби. Взрослые, старики, дети – бей. Они уже не вполне люди.

Яна думала, что братец начнет кидать предъявы и требовать объяснений. Они с ним слишком разные – он типа общительный, типа напонтонанный, с претензиями. Да и внешне они как неродные: Димка в мать – русоволосый и светлоглазый, с яркими, четко очерченными губами, Яна в отца – смуглая и кареглазая.

Малой не оправдал ожиданий: притих, кивнул, будто что-то смыслил, и засунул понты себе куда подальше. Ему хоть всего пятнадцать, но вымахал он уже на полголовы выше Яны, да и физически был развит неплохо. Красивым мужиком будет, подумала она, когда заматереет и краситься в цыплячий перестанет. Если доживет...

– Так что они мне укололи? – спросил Димка шепотом.

Яна помотала головой и направилась к лестнице, держа саблю наготове.

– Может, мы тут подождем, пока нас спасут? – пробормотал брат жалобно.

– Некому спасать, – ответил Юрка. – Валить надо из города, но прежде запастись едой.

– Я это, я позабочусь, – закивал Димка и метнулся в комнату. К холодильнику он несея уже с рюкзаком и продукты выбирал правильные, непортящиеся.

Похоже, пацан воспринимал происходящее как забавное приключение: взрослые придут и все исправят. Ох, мальчик, тебя ждет разочарование!

– Отец убил собак, – проговорила Яна у выхода. – Мистера покалечил. По-хорошему его надо усыпить или в клинику...

– Зачем он это сделал? – воскликнул Димка и выбежал, нацепив рюкзак и оттолкнув Яну. Его встретил скулеж и радостный тяв.

– Мистер! Боже! За что? Почему? – Яна не видела брата, она была еще в доме, но слышала, что голос его дрожит от слез.

Наконец спустился Юрка. Одну руку он держал в кармане, второй сжимал эфес ятагана, глаза его бежали.

– Ты чего еще тут? – спросил он.

– Может, правда, тут окопаться? Они, зомби, безмозглые. Продуктов надолго хватит...

По правде говоря, она просто трусила. Не хотелось видеть собачью кровь во дворе, снова бежать и прятаться, рисковать. Здесь тихо и спокойно, не дом – крепость. Зомби сюда не проникнуть, если хорошо запереться и ток пустить по периметру. Здравый смысл напомнил, что это лишь иллюзия покоя, страх перед новым, удвоенный тем, что это новое не несет ничего хорошего.

– Прощаюсь, – ответила девушка честно. – На случай, если больше сюда не вернусь. Я люблю это место.

«Которое могло стать и твоим домом», – домыслила она и переступила порог. Нависла над братом, обнимающим покалеченного пса. Белого Сударя выбирала она, полосатика Мистера – Димка, рыжего Сэра – отец.

– Идем, – проговорила она. – Мы не можем его взять. Он умрет у нас на руках. Его бы даже врач не спас.

Юра положил руки на Димкины плечи, взглядом указал Яне на выход. Она поковыляла, глядя на расплывающийся от слез черный прямоугольник ворот. Вскоре ее догнал Димка, сунул руки в карманы штанов-парашютов и, ссутулившись, зашагал рядом. Юрка все не шел.

Взвизгнула собака. Донеслись торопливые шаги, и вот над розами появилась Юркина голова: губы поджаты, глаза льдистые.

– Я впервые убил, – проговорил он и кивнул на ятаган.

– Так было нужно, – успокоила себя Яна и села за руль.

До трассы ехали молча. Зомби на пути не встречались. Даже тех, что шастали вдоль дороги, было немного. Яна старалась не рассматривать их, чтобы случайно не увидеть знакомое лицо. Вот выбежит на дорогу мама – и ведь не хватит силы воли нажать педаль газа.

На трассе стало посложнее: «свалки», пробки из остановившихся машин объезжать приходилось обочинами и с ужасом отмечать, что зомби-то поумнели, действовали командами по семь человек, не бросались под колеса, а швыряли в машину, что под руку попадет, даже с балконов бросали всякое, но оно не долетало. От увесистого камня по лобовухе пошла трещина. Яна выругалась. Димка не выдержал и возопил:

– Что они делают? Зачем?

– За тем же, зачем тебе вкололи какую-то гадость... убили собак, – Яна выкрутила руль, объезжая легковушку, чиркнула ее боком. – Они уже не люди, Дима.

– Чё – все? – возмутился он.

– Почти, – ответила Яна сквозь зубы. – Наверное, это из-за Сектора. То, что неделю назад крыша у всех поехала – то репетиция была. Почему мы целы и чем мы особенные – вопрос – вот блин, КамАЗ, сука! – не ко мне.

Димка судорожно вздохнул и проговорил траурным голосом:

– Значит, они меня заразили, и скоро я тоже сойду с ума.

– Не ной, – Юрка с переднего сиденья повернулся назад. – В Питере тебя вылечат, мы что-нибудь придумаем. Меня, между прочим, тоже слегка потрепали, – он показал укушенную руку.

Димка засопел позади. И вдруг – хрясь кирпичом по лобовухе. Стекло выдержало, но сделалось белым и мутным. Теперь Яне приходилось нагибаться, чтобы видеть дорогу.

– Машину менять придется, – сказала она. – Блин, я к этой привыкла.

– А если совсем разбить окно? – предложил Димка. На его вопрос ответило нечто, ударившееся в стекло. Чуть позже выяснилось, что это труп кота.

Посыпались осколки, но Яна руль не выпустила. Машина юркнула между перевернутой фурой и маршруткой, девушка разразилась потоком брани. Проехав еще метров пятьдесят, она припарковалась возле белого микроавтобуса «мерседес»:

– Такой у отца был, я водила. Думаю, что смогу.

– А они нас не того? – Юрка кивнул на зомби, начавших сползаться к трассе.

– Не успеют. – Яна приказала: – Все быстро к «мерседесу», там дверцы раскрыты, может, когда выскакивали, ключи оставили... Бегом!

Несколько шагов. Хлопнуть дверцей. Плюхнуться за руль, повернуть ключи зажигания. Мотор зарычал. Боковым зрением она следила за зомби, – они интересовались не трассой – рассредоточились по тротуару и будто стойку сделали. И тут со двора дома-«титаника» метрах в тридцати отсюда выскочили три девушки: две русских и блондинка. У каждой было по пруту арматуры. Зомби ринулись к ним, девчонки завизжали и принялись их месить. Работали они слаженно, командой, но зомби все прибывали и прибывали, загоня девушек обратно во двор.

– Быстро туда! – оживился Юрка и аж подпрыгнул на сиденье. – Их трое, у нас семь мест.

Яна посигналила девчонкам и рванула к ним. Девчонки отчаянно стремились к дороге, но прорваться у них никак не получалось. Юра задрожал, его потянуло на геройство. Когда микроавтобус притормозил, он выхватил ятаган и ринулся в гущу тварей. Яна ругнулась и поспешила на помощь.

Кроша врагов направо и налево, она даже не удивилась, что среди спасаемых была Арина. Та самая Арина, бывшая девушка Юрки. Подумаешь, мелочь! Главное, что она – человек. Яну не возмутило, что она бросилась Юре на шею, а он не подумал отстраняться, увлек ее за собой к машине и уселся с ней на заднем сиденье сразу за водительским. Две других девчонки тоже затихли где-то позади.

Яна закрыла дверцу и повернула ключи, косясь на окровавленную саблю. Перед глазами алела кровь и зияли порезы. Совладать с нервами, осторожно выехать и – прочь отсюда. И больше никакого геройства.

– Слышишь, Юра, никакого больше геройства! – сказала она и недоуменно уставилась на пустое сиденье рядом. – Юра?

Позади ойкнул Димка, что-то упало, в шею уперлась холодная сталь, и родным голосом проговорили:

– Останавливай тачку и пошла отсюда вон.

Все еще не соображая, что происходит, Яна притормозила, прижимаясь «мерседесом» к застывшей легковушке.

– Не слышала, что ли? Вон отсюда пошла! – повторила Арина. – Че тарачишься? Он меня любит, ему нужна не ты, а твой папочка для карьеры, так что оставь нас в покое.

– Я смогу тебя прирезать, сучка бешеная, ты меня достала по самое не хочу! – прошипел Юрка. – Собаку же смог. И братец твой у меня. Считаю до трех... И раз...

Мысли понеслись с лихорадочной быстротой. Выяснять отношения бессмысленно. Брошенных машин тут тьма. Реветь потом. Выйти вместе с Димкой, пересесть на КамАЗ и раздавить их к чертям.

Щелк – дверца отворилась, и Яна скользнула на улицу, прихватив саблю. Следом вывалился схватившийся за голову брат, рухнул к ее ногам. То ли время замедлилось, то ли «мерседес» не спешил уезжать и полз мимо. Окна были затемнены лишь немного, и Яна одновременно видела и Юркин силуэт, и свое отражение. Растрепанная девушка с саблей в руке, желтоволосый мальчишка корчится на дороге...

Юрка на бывшую пассиву даже не смотрел, знай крутил себе баранку. Яна остолбенела и задыхалась то ли от обиды, то ли от негодования. Этого не может быть. Зомби, все остальное – правда, но Юрка... он не мог. Разве она заслужила, чтобы с ней – как с туалетной бумажкой? Подтерся, выбросил. Она ведь верила ему больше, чем себе. А как же любовь? Ведь было же! Невозможно так притворяться! И кольцо, и счастье, и голова кружилась...

И вот так – р-раз, и на помойку. В утиль...

Со стороны задних сидений справа опустилось стекло. Мелькнули алые ногти, белый локон. В лицо ударил скомканный листок, Яна узнала сорванную с манекена фотографию Арины. Донесся гогот, и отупение взорвалось яростью.

Девушка схватила попавшуюся под руки железку и запустила по «мерседесу» с воплем:

– Урод! Дегенерат! Чтоб ты сдох, сука!

– Прости, – хлюпал разбитым носом Димка. – Протупил. Ятаган, рюкзак, все у них...

Стараясь унять дрожь в руках, Яна помогла ему встать. Зомби тем временем уже подошли к трассе. Они не спешили, брали в кольцо. В руках у толстой женщины со вполне осмысленным взглядом Яна заметила нож, и это придало ей сил. Она метнулась к грузовику, взбежала по лесенке и села на место водителя. Димка плюхнулся рядом и переполз на соседнее сиденье.

Положить саблю и разобраться с управлением. Ключей нет, вот попадалово! И не выбраться уже: зомби со всех сторон обложили. В фильмах показывали, что нужно соединить какие-то проводки, но вот какие?

Мир расплывался от слез, Яна зло размазывала их по лицу рукой. Отстегнуть тесак и ударить возле замочной скважины. Хрясь! Пластик поддался со второго раза. К ее разочарованию, проводков высунулось штук двадцать.

Захлебываясь рыданиями и прощаясь с жизнью, она начала наугад соединять провода – мотор не заводился. Зомби стучали по грузовику – видимо, начали карабкаться по кузову. Димка забрал у нее саблю и приготовился к бою.

Когда Яна уже попрощалась с жизнью, вдалеке завизжали тормоза и прогудел сигнал. Девушка встрепенулась. Люди! Они едут сюда и должны помочь!

Разрубив снова отобранной у брата саблей пару зомби, она распахнула дверцу как раз, когда мимо проносился заляпанный кровью «Хаммер». Останавливаться он не стал и даже зомби не раскидал – так, парочку размазал по дороге. Остальные прижались к грузовику, и мужик с разрубленным черепом начал карабкаться по лесенке. Димка позеленел лицом и слотнул, Яну затошнило, она зажала рот руками и захлопнула дверцу. По стеклу скользнули ладони, оставляя кровавые дорожки, но к счастью, зомби покачнулся и рухнул. Его место заняла тощая тетка неопределенного возраста.

Яна подождала, пока тварь вскарабкается, и резко распахнула дверцу, заехав ей по челюсти. На ногах зомби не устояла и рухнула в толпу.

– Ну, что, малой, – усмехнулась Яна. – Попытаемся подороже продать наши шкуры?

– Я подыхать не собираюсь, – заявил Димка. Хищно оскалился, выхватил нож и приготовился отражать атаку с другой стороны машины.

* * *

Ехать на тягаче было удобно: Росс привык к управлению и погрузился в странное состояние, среднее между эйфорией и истерикой. Прицеп отсоединять не стали: большая масса лучше таранит при разгоне. «Свалка» на дороге – выжал газ и смял легковушки в блин. Если путь преграждает транспорт покрупнее – притормозил и мягко подвинул. А главное – зомбаки семечками разлетаются.

Кошкин поковырялся в бардачке и с радостным возгласом извлек диски – классика рока двадцатого века. Росс вообще музыку не любил, но она его и не раздражала – он не стал мешать следователю, когда он сунул диск в магнитола, приговаривая:

– Машина принадлежала ценителю. Надо же – «ZZ Top»! Ща с ветерком прокатимся.

Росс отметил, что музыка странная: блюз не блюз, рок не рок. Она ассоциировалась с Диким Западом, бородатыми байкерами и тягачами, подобными этому, а еще подстегивала, гнала вперед и придавала сил.

Один Васильич сидел истуканом, не двигался и даже не моргал. Кошкин же впал в странную эйфорию и разговорился, хлопая по ляжке в такт ударникам:

– Представляешь, никого из этих музыкантов уже нет в живых, а музыка осталась... Хотя, может, я и вру, кто-то из них доживает последние дни в Америке, а музыка не старится, – толкая безучастного Васильича он запел довольно приятным голосом: – *Jesus just left Moscow...*

Миновали промзону и гаражи, за дорожной развязкой начался спальный район: старые многоэтажки, магазинчики вдоль трассы... И тут Росса посетила гениальная идея. Он начал тормозить, комментируя свои действия:

– Тут отличный охотничий магазин, а оружие, сами понимаете, нам понадобится.

Припарковались к стене, название магазина «Клуб путешественников» оказалось прямо напротив дверцы. Между машиной и стеной оставалось около трех метров. В магазин можно было просочиться без проблем: на полметра выступал козырек – с балконов ничего не упадет на голову, а для зомби оставались два пути: справа и слева от грузовика.

– Васильич, ты стой на стреме и мочи тех, что будут набегать. Или зови нас, мы быстро. Минут пять. Десять – максимум.

Как Росс и полагал, дверь была открыта, и магазин никто не охранял. Кошкин потер ручки и присвистнул, его грубое лицо обрело некое романтическое благородство, глубоко посаженные глаза сверкнули:

– Вот это Клондайк!

Магазин работал по принципу супермаркета: боксы для рюкзаков, касса и несколько залов, где можно было ходить и выбирать товар. По правую руку – рыбацкий отдел: удочки и спиннинги в несколько рядов, надувные лодки, раколовки, сети и всевозможные приспособления, облегчающие жизнь рыбака: от подводных ружей до поплавков, воблеров и блесен.

Налево убегали ряды одежды: костюмы для дайвинга, камуфлированные штаны и куртки, кирзовые сапоги, «берцы», кроссовки и просто шлепки, а так же палатки, фонарики, ледорубы – и все по мелким отделам и полкам. Это не интересовало ни Росса, ни Кошкина, и они принялись продираться сквозь камуфляжные дебри в сокровищницу – в оружейный отдел.

Посреди зала напротив столика консультанта (сам он валялся на полу с перерезанным горлом) продавалось чучело вепря, чуть поодаль – косули и двух глухарей, все – за дикие деньги. Головы убитых оленей на стенах следили равнодушными глазами. Темные стекла витрин отражали двух незваных гостей: Кошкин шел, будто волк – втянув голову в плечи, суровый, сосредоточенный, широкоплечий, с массивным «дырявым» подбородком. Рядом с ним Росс смотрелся легким и маневренным – он был уже в плечах, хоть и выше ростом, его движения казались плавными, артистичными.

Окон в этом отделе не было, и единственным источником света служили неоновые лампы под потолком. Да и те горели через одну, вполнакала, гудя и мерцая. В нервном их мигании за толстыми стеклами витрин матово чернели вороненные стволы ружей и карабинов.

– Вот, – сказал Росс. – Здесь мы и затаримся. Они кое-что у меня брали, я – у них экзотику. У меня тут карточка постоянного клиента, но, при нынешних обстоятельствах, это, пожалуй, не важно.

– Круто, – облизнулся Кошкин. – Я такое только в кино видел. Чё брать будем?

– Брать надо то, с чем умеешь обращаться, – ответил Росс.

– Да знаю я, – отмахнулся Кошкин, взял в руки короткий, словно игрушечный, автомат! – Вон он, АКСУ-74, «ксюха» родимая. А чего это автоматического огня нет? А поливать как? Одиночными?

– Это же гражданская версия, – ухмыльнулся Росс. – Охотничий карабин по официальному названию. Да и не сгодится он для наших целей. 5,45 – патрон слишком слабенький, рассчитан на то, чтобы ранить, а не убить – на войне раненый противник выгодней убитого.

А против зомби вообще не проканаает. Ружья надо брать. Старые добрые дробовики. Просто и надежно.

Росс подошел к вертикальному стенду, сбил замок и открыл стеклянную дверцу. Ружья стояли в пирамиде, покрытые слоем фабричной смазки.

– Ну, всякие «Бенелли Супернова» – это, конечно, круто и гламурно, но больше для спорта, чем для реальной жизни. Уж больно механизм там тонкий и нежный. А вот МР-153 – это по-нашему.

– «Мурка», что ли? – уточнил Кошкин. – А я слышал, ругают ее охотники. Капризная, к боеприпасам требовательная.

– Надо, чтобы руки не из жопы росли, тогда оружие капризничать не будет. И патроны, ясное дело, для полуавтомата надо брать заводские, а не самокруты-релоады. Глянь за прилавком, там коробки должны быть. Бери, если найдешь, итальянские, контейнерные, навеска пороха – не меньше двадцати восьми граммов. Дробь не меньше тройки, лучше, конечно, нулевку. И картечь, разумеется.

– Тут какая-то «полева», – недоуменно сказал Кошкин, роясь за прилавком.

– Бери! Это пули. Так, сейчас Васильичу что-нибудь подберем... А вот, «Сайга-12», самое оно. Тот же «калаш», но двенадцатого калибра. Или вот, «Вепрь», то же самое в принципе, только производитель другой. Беру все.

Кошкин деловито вытащил ружья, отыскал запасные магазины и принялся набивать их патронами.

– Паучеры не бери, это для спорта. Возьми вон те патронташи, ага, – командовал Росс. – И жилеты разгрузочные поищи, «блэкхок» желательно, если найдешь модульные платформы «молле» – тоже тащи. Там в отделе товаров для экстремального спорта вроде бы шлемы были, лыжные, хватай, пригодится. И рюкзаки там же глянь, если найдешь – тактические, с питьевой системой «кэмелбек».

Сам Росс отбирал коробки с патронами и ставил их в середине отдела, рядом с чучелом кабана.

– Ох, не знаю, – ворчал Кошкин. – Нарвемся мы с этими «сайгами». Я бы двустволку еще взял. Вертикалку. Она точно не подведет.

Росс пожал плечами:

– Ну так возьми, кто мешает-то? Приклад отпилим, ствол укоротим, будет тебе обрез. Вообще-то это мысль, надо будет каждому по обрезу соорудить.

– Может, лучше пистолеты? – спросил Кошкин. – Привычнее как-то...

– Нет, – покачал головой Росс. – Против людей – да, а против зомби... Ты же не будешь каждый раз точно в лобешник целиться. А из дробовика шмальнул раз – считай, магазин «макарова» в противника выпустил.

Постепенно посреди отдела выросла гора оружия. Черный пластик «Сайги» с рифлеными планками «пикатинни» соседствовали здесь с благородными ореховыми ложами «беретт» и «браунингов» – классических охотничьих двухстволок, что называется, высшего разбора. Рядом валялись коробки с патронами, подствольные фонари с запасом батареек, рюкзаки, жилеты, подсумки, шлемы и даже пара приборов ночного видения, обнаружившиеся в охотничьем отделе.

– Ножи, – вспомнил Росс. – Без холодняка никуда. В идеале бы нам огнеметом разжиться, но раз нет, так нет.

– Согласен, – деловито кивнул Кошкин. – Без пера будет туго... Во Gangstas Paradise! Была такая песня!

Всякую гламурную продукцию скорее сувенирного, чем рабочего предназначения, Росс забраковал. Себе он выбрал керамбит – страшный в ближнем бою мини-серб, и непальский кхукри вместо мачете – для контактов на длинной дистанции. Васильичу взял старый добрый

«Ка-Ваг» – десантный нож американских рейнджеров, этакий заточенный ломик на все случаи жизни, и мачете «Кайман» фирмы «Кизляр». Кошкин же выбрал редкий и экзотический нож «Кондрат», жутко выглядящий, но на удивление ухватистый и удобный. Принялись распикивать добро по рюкзакам. Кошкин насвистывал себе под нос, глаза его горели азартом.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.